

РО-ДООВО
«Пензенская духовная семинария
Пензенской Епархии Русской Православной Церкви»

Александр Дворжанский

«СОЮЗ ХРИСТОВЫХ ВОИНОВ»

2-я часть

Религиозная организация –
духовная образовательная организация высшего образования
«Пензенская духовная семинария
Пензенской Епархии Русской Православной Церкви»

*Центр по изучению подвига новомучеников
и исповедников Российских Пензенской епархии*

Александр Дворжанский

“СОЮЗ ХРИСТОВЫХ ВОИНОВ”

2-я часть

Пенза

2022

ББК 63.3 (2Рос.–4)
86.372 (2–4)
Д24
УДК 908 + 261.7

Печатается по решению Редакционно-издательского совета
РО-ДООВО «Пензенская духовная семинария»

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р23-303-0070

Д24 **Дворжанский А. И.** «Союз Христовых воинов»: В 2 ч. – 2-я часть. –
Пенза: Пензенская духовная семинария, 2022. – 96 с.

В данной работе рассказывается о деле № 102, которое следствие пыталось сделать продолжением сфабрикованного в 1932–1933 годах «Союза Христовых воинов». Это чисто церковное дело, по которому проходит два десятка верующих, большей частью больных и бездомных, обретавшихся в приграничных районах теперешних Пензенской и Ульяновской областей.

ISBN - 978-5-6047278-4-3

© Дворжанский А. И., 2022
© РО-ДООВО «Пензенская духовная семинария»

Введение

В 1933 году было завершено следственное дело по так называемому «Союзу Христовых воинов» (следственное дело № 10249-п, бывшее № 4641) – вымышленной контрреволюционной церковно-монархической организации, якобы существовавшей на территории Кузнецкого, Николо-Пётровского, Инзенского, Барышского, Иссинского и Лунинского районов, по которому было привлечено 103 человека. Тогда ещё наказания давались достаточно мягкие. Из 49 человек, получивших реальные сроки, 12 человек были осуждены на 3 года заключения в исправительно-трудовом лагере, а 37 человек – на 2 года.

Одним из руководителей «Союза Христовых воинов» был признан 80-летний кулак-лишенец Иван Иванович Малов из села Красная Поляна (оно же Синодское) Барышского района Средневолжского края, участник Поместного Собора Российской Православной Церкви 1917–1918 годов. Однако, как ни странно, он не понёс никакого наказания, и первой причиной этого, которая приходит на ум, является его преклонной возраст. Но вот прошло шесть с лишним лет, и Малов вновь был арестован как активный участник «возрождённой» церковно-монархической организации «Союза Христовых воинов». Однако к новому групповому делу, которое значилось под № 102, его приобщили не сразу.

На роль руководителя контрреволюционной церковно-монархической организации вначале намечался, видимо, только «болящий Ефимушка» – парализованный Сюлаев Ефим Гаврилович, арестованный в числе первых её пяти членов. Причём двое из них – Пшеничкина и Абакумова – действовали автономно, участвуя в волнениях среди жителей села Ульяновка Кузнецкого района, возникших 22 декабря 1939 года во время снятия колоколов с церкви.

На следующий день независимо от них была задержана гражданка Сутыркина, которая в 1933 году проходила по делу «Союза Христовых воинов». Вот тогда, возможно, впервые и возникла мысль организовать новое групповое дело «Союза Христовых воинов», тесным образом связанное с прежним. Из показаний Сутыркиной выходило, что она продолжает контактировать с избежавшим наказание в первый раз Иваном Ивановичем Маловым, фигура которого, как участника «Союза Христовых воинов», для придания солидности новой организации имела больший вес, чем инвалида Сюлаева, хотя известность последнего в религиозной

среде и частое посещение его верующими людьми делали его кандидатуру на роль одного из руководителей организации тоже вполне подходящей. Но знаковой фигурой всё же становился Малов – участник церковного Собора.

Вряд ли Малов в 1939 году занимал какую-либо активную общественную позицию, иначе бы его не замедлили арестовать, но это было сделано только тогда, когда у следователей уже сложился костяк контрреволюционной организации и было арестовано 14 человек, то есть две трети всего состава.

К этому времени были отработаны связи первых арестованных, и оказалось, что большинство верующих в округе так или иначе связаны с Ульяновской церковью и знакомы между собой. Церковь часто посещали всякого рода «странницы», которые отлично подходили на роль связанных между руководителями организации Сюлаевым и Маловым, а также арестованным вместе с последним в один день, 28 января 1940 года, ещё одним «болящим» – Алексеем Гурьяновичем Дияжевым, 40 лет прикованным к постели. К этому триумvirату по ходу следствия присоединили арестованного 3 января Гаврилу Михаловича Шабайкина, показавшего такую непримиримую ненависть к советской власти, что одно это уже требовало ему высшей меры наказания, положенной «по штату» руководителям.

Всего по делу № 102 привлекался 21 человек.

4 мая 1940 года было вынесено постановление об освобождении из-под стражи Александры Георгиевны Щипановой, поскольку следствию не удалось добыть достаточных оснований для предания её суду. Она проходила и по первому делу «Союза Христовых воинов» в 1933 году, также сумев избежать наказания.

13 мая в тюремной больнице скончался арестованный Прокофий Петрович Самойлов. 22 июля 1940 года на первом судебном заседании не смогли присутствовать ввиду болезненного состояния обвиняемые Малов и Семёнова. Адвокат Гродковский заявил, что дело не может слушаться при отсутствии главного организатора контрреволюционной группы. Однако суд принял предложение прокурора не рассматривать относящийся к ним материал до их выздоровления, а в отношении остальных дело заслушать. В том числе и в отношении Дияжева, которого всю неделю, пока шли судебные заседания, доставляли в суд на носилках, на которых он лежал в полуобморочном состоянии, вряд ли хорошо понимая, что происходит в зале заседания.

30 июля 1940 года был вынесен приговор 17-ти членам организации. Из них Абакумова и Пшеничкина получили по 5 лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовом лагере, 9 человек (Сутыркина,

Китова-Щербакова, Пивцаева, Косолапов, Еманова, Хохлова, Дубаева, Головинова и Крашенинникова) – по 10 лет с конфискацией их личного имущества и поражением в избирательных правах на 5 лет и 6 человек (Сюлаев, Шабайкин, Дияжев, Понякшева, Барцайкина и Филатова) – высшую меру наказания, то есть расстрел.

31 июля адвокат Пензенской коллегии адвокатов Николай Игнатьевич Гродковский подал кассационную жалобу в судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР по делу Барцайкиной, Филатовой, Шабайкина и Дияжева, а на следующий день то же самое сделал и адвокат Дмитрий Петрович Бутов в отношении своих подзащитных Сюлаева и Понякшевой. Сами подсудимые отказались апеллировать к советскому правосудию по религиозным убеждениям, считая, что их мера наказания является лучшим способом войти в Царствие Божие.

Решение Пензенского областного суда в отношении рядовых членов организации Барцайкиной, Филатовой и Понякшевой было настолько вопиющим, что судебная коллегия Верховного суда РСФСР отметила это особой строкой, подчеркнув: «Высшая же мера наказания в отношении Понякшевой, Филатовой и Барцайкиной избрана судом неосновательно, так как они организаторами этой контрреволюционной группы не являлись».

Об этом с самого начала говорили адвокаты подсудимых, но Пензенский областной суд проигнорировал их очевидную аргументацию и принял сторону прокурора, требующего максимального наказания большему числу обвиняемых.

8 августа дело на осуждённых было направлено в Верховный суд РСФСР вместе с кассационными жалобами, а 9 августа вдогонку для приобщения к делу послан акт о смерти приговорённого к расстрелу Алексея Гурьяновича Дияжева, умершего 7 августа в тюрьме № 1 УНКВД г. Пензы от декомпенсированного миокардита. На следующий день, 8 августа, от туберкулёза лёгких скончалась в тюремной больнице Февронья Ермолаевна Семёнова.

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР, рассмотрев 30 августа 1940 года приговор Пензенского областного суда, заменила меру наказания Барцайкиной, Филатовой и Понякшевой на 10 лет с конфискацией принадлежащего им имущества и поражением в избирательных правах на 5 лет, остальным приговоры оставила в силе.

1 сентября на имя председателя Пензенского областного суда пришло телеграфное сообщение об этом, доведённое 4 сентября до сведения осуждённых. Однако никто из приговорённых к высшей мере наказания об этом уже не узнал. Вслед за Дияжевым 2 сентября скончался Гаврила Михайлович Шабайкин, а 3 сентября – Ефим Гаврилович Сюлаев. 11 ноя-

бря 1940 года в тюремной больнице умер Иван Иванович Малов, суд над которым так и не состоялся. Все они ушли из этой жизни с одним и тем же диагнозом – декомпенсированный миокардит. Словно Господь решил забрать их, не дожидаясь торжества советского правосудия, замешанного на крови невинных жертв. 21 ноября от туберкулёза лёгких скончалась Анна Ильинична Пшеничкина, осуждённая на 5 лет.

Таким образом, из 20 обвинённых по делу № 102 в тюрьме № 1 г. Пензы умерли 7 человек, в том числе все четверо «руководителей» выдуманной контрреволюционной церковно-монархической организации.

Уже сам факт такой высокой смертности в тюрьме характеризует невыносимые условия содержания в ней. Однако бесчеловечное к себе отношение обвиняемые испытали ещё на стадии следствия, когда для получения нужных признаний к ним применялись меры не только психологического воздействия, но и физического принуждения.

Документы следствия не раскрывают нам те приёмы и методы, какими удавалось заставить обвиняемых быстро менять свою точку зрения. Но предположить это нетрудно, поскольку теперь уже обнародована шифротелеграмма Сталина, направленная в 1939 году на места первым секретарям компартии, где сказано: «...ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод». То, что «исключения» очень скоро становятся правилом для достижения нужных результатов, об этом можно и не говорить.

Пытки и истязания в органах госбезопасности были официально отменены только приказом по МВД СССР № 0068 от 04.04.1953, подписанным Л. П. Берией, где перечислен арсенал средств, используемых следственными органами: «Широкое применение различных способов пыток: жестокие избиения арестованных, круглосуточное применение наручников на вывернутые за спину руки, продолжавшееся в отдельных случаях в течение нескольких месяцев длительное лишение сна, заключение арестованных в раздетом виде в холодные карцеры и др.»¹.

Так что удивляться быстрому изменению своих показаний арестованными не приходится. И более того, сам факт таких мгновенных метаморфоз является лучшим свидетельством о творимых следователями беззакониях. Поэтому материалы следственных дел как документ требует к себе осторожного подхода и тщательного анализа. Но, с другой стороны, они представляют немалый интерес теми подробностями, которые присутствуют в показаниях допрашиваемых: биографическими, бытовыми, историческими.

Берез, Щербасову, Штеин и Маленко су

14

ШИФРОМ ЦК ВКП(б)

11 33
145

СЕКРЕТАРЯМ ОБКОМОВ, КРАЙКОМОВ, ЦК НАЦКОМПАРТИИ.
НАРКОМАМ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ, НАЧАЛЬНИКАМ УНКВД.

ЦК ВКП стало известно, что секретари обкомов - крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным, как нечто преступное. ЦК ВКП разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП. При этом было указано, что физическое воздействие допускается, как исключение, и притом в отношении лишь таких явных врагов народа, которые, используя гуманный метод допроса, нагло отказываются выдать заговорщиков, месяцами не дают показаний, стараются затормозить разоблачение оставшихся на воле заговорщиков, - следовательно, продолжают борьбу с Советской властью также и в тюрьме. Опыт показал, что такая установка дала свои результаты, на-много ускорив дело разоблачения врагов народа. Правда, впоследствии на практике метод физического воздействия был загашен мерзавцами Заковским, Литвиным, Успенским и другими, ибо они превратили его из исключения в правило и стали применять его к случайно арестованным честным людям, за что они понесли должную кару. Но этим нисколько не опирачивается сам метод, поскольку он правильно применяется на практике. Известно, что все буржуазные разведки применяют физическое воздействие в отношении представителей социалистического пролетариата и притом применяют его в самых безобразных формах. Спрашивается-

(см. следующ. стр.)

АП-3/1

Шифрограмма о применении к арестованным физического воздействия

ся, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении ~~агентов буржуазии~~ ^{заключенных}, ~~врагов рабочего класса и колхозников~~. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и незоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод. ЦК ВКП требует от секретарей обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартии, чтобы они при проверке работников НКВД руководствовались настоящим раз'яснением. *н 1/с, 2/с н 26/и*

СЕКРЕТАРЬ ЦК ВКП(С) И. СТАЛИН.

2 экз + 6 экз + 1 экз. + 1 экз. *двух*
на 2-х стр.

10/1-39с
15 час.

Дополнительно напечатано
два экз. 8.П.1956г. ак
2/с

Копии посланы:

- ✓ м. Берия,
- ✓ м. Усуббакову
- ✓ м. Мурашвили,
- ✓ м. Джагиди,
- ✓ м. Мхасри,
- ✓ м. Воишникову.
- ✓ м. Усуббакову *21/1-39с*
- ✓ м. Солжикову *14/1-39с*. (Второй экз)
- ✓ м. Кабанову *14/1-39с* *нацком обком*
- 1 - *Рибинский* *или Вяткина* *Ведом.* - *15/1-39с*.

Вторая страница шифрограммы о физическом воздействии

Несомненной удачей при знакомстве с делом № 102 (или же № 12110-п по сегодняшней нумерации в УФСБ по Пензенской области) стали найденные биографические сведения об Иване Ивановиче Малове – участнике Поместного Собора Российской Православной Церкви, о котором до сих пор не были известны ни дата его рождения, ни дата смерти. Малов, скончавшийся в пензенской тюрьме, являлся не просто участником Собора – он находился при ковчеге, из которого тянули жребий при избрании Патриарха, и в числе семи человек подписал акт об избрании Патриархом митрополита Московского и Коломенского Тихона (Беллавина). Теперь полученная о нём информация может стать доступной для всех. Остаётся только сожалеть, что при работе с 6-томным делом № 102 удалось познаться только с пятью томами. Один том, в котором как раз находятся показания Малова, остался неисследованным.

Сведения об арестованных по делу лицах в данной работе представлены в порядке их задержания, что делает более наглядным процесс фабрикации его следственными органами. Административно-территориальная привязка упоминаемых в деле населённых пунктов, испытывающая постоянные изменения, оставлена без изменения – так, как показано в документах.

Следственное дело № 102

22 декабря 1939 года старший оперуполномоченный Кузнецкого городского отделения НКВД сержант государственной безопасности Н прибыл в село Ульяновку Кузнецкого района, чтобы расследовать обстоятельства массового выступления в нём жителей, случившегося 22 ноября того же года при снятии с церкви колоколов. Следует отметить, что первая попытка снять колокола в Ульяновке была сделана ещё в 1938 году, но закончилась безуспешно ввиду сильного волнения народа.

В ходе расследования 22 декабря 1939 года были арестованы две гражданки – Анна Ильинична Пшеничкина и Матрёна Ивановна Абакумова.

В отношении первой из них в протоколе задержания отмечалось, что она «во время снятия колоколов в Ульяновской церкви принимала активное участие в организации массовки и настраивала население на поднятие бунта, налетала с кулаками на председателя сельского совета, требуя от него ключи, с выкриком: «Вы грабители, грабите Божий храм, мы сейчас покидаем с церкви ваших представителей» и т. д. – и порвала пальто на последнем».

Вторая «среди населения села Ульяновки проводит открытую агитацию за срыв выборов и возмущает население, настраивая последних на

антисоветский путь с целью выступить против мероприятий советского правительства».

Обе они были задержаны для выяснения обстоятельств дела и их личности.

Пшеничкина Анна Ильинична, 1882 года рождения, уроженка села Новое Чирково Камешкирского района, проживающая в деревне Огольцовке Кузнецкого района, неграмотная, единоличница, без определённых занятий, в тот же день была препровождена в Кузнецкую тюрьму № 2. В ходе следствия была допрошена 10 раз и, в конце концов, признала себя виновной в том, что является «инициатором массового антисоветского выступления церковников в с. Ульяновке в 1939 году».

Первый допрос, состоявшийся 26 декабря, продолжался всего полтора часа – с полдвенадцатого до часу ночи. В нём определялся круг родственников и знакомых подследственной. В Огольцовке это были два её родных брата, столетняя свекровь, активная церковница Анна Ивановна Яшкова (видимо, Ежкова), посещавшая церковь в с. Ульяновке, а в последней – Мария Давыдова, монашка Мария, исполнявшая роль дьячка в церкви, и Матрёна Ивановна Абакумова – активная религиозница, выпекавшая просвирки для церкви.

К следующему допросу Пшеничкиной, состоявшемуся 31 декабря, следствие располагало уже полученными от Абакумовой сведениями, что именно Пшеничкина сообщила ей о снятии колоколов. Однако последняя отрицала это, а также и то, что проводила среди населения во время снятия колоколов антисоветскую агитацию, в чём её обвинял следователь. Инцидент же с председателем сельсовета объясняла, что никаких угроз в

его адрес не посылала, а только требовала показать документ, на основании которого снимают колокола.

Однако порванное пальто на представителе советской власти являлось достаточно веским доказательством её бурного объяснения, и 8 января Пшеничкиной пришлось-таки частично признать свою вину, объясняя, что вместе с другими женщинами она пыталась отнять у председателя ключи от дверей церкви и при этом кто-то оторвал хлястик и пуговицы у пальто. Пришлось называть и фамилии присутствовавших при этом женщин.

8 февраля Пшеничкина уже признаёт, что призывала верующих к оказанию сопротивления представителям местной власти в снятии колоколов, но не в проведении антисоветской агитации, которую категорически отрицала. Однако в запальчивости говорит, что ключи ей нужны были для того, чтобы пробраться на колокольню и сбросить оттуда лиц, снимающих колокола, а это уже квалифицируется как террористические намерения, нападение же на председателя сельсовета – как покушение на его жизнь.

Опрашивается ряд лиц, присутствовавших при снятии колоколов, устраиваются очные ставки с ними Пшеничкиной, и в результате 15 февраля она уже наполовину пришла к признанию своей антисоветской деятельности, сказав: «Я была недовольна мероприятиями советской власти только в день снятия колоколов, а до того я советской властью была довольна».

Рассмотрев 26 марта результаты следствия, заместитель начальника следственной части УНКВД Пензенской области констатировал, что в своей практической контрреволюционной деятельности Пшеничкина в целях борьбы с советской властью широко использовала религиозные предрассудки отсталой части населения. Ранее предъявленное ей обвинение по ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР им было перекалифицировано на ст. 58-10 ч. 2, то есть что Пшеничкина в своей антисоветской деятельности использовала религиозные предрассудки отсталой части населения, в чём она 9 апреля 1940 года и призналась. Такое изменение в статье обвинения последует у всех арестованных.

В показаниях «пострадавшего» председателя сельсовета перечисляются наиболее активные верующие, посещавшие церковь в с. Ульяновке, что может представлять интерес при изучении истории церкви. Это священник Александров, член церковного совета Андрей Дмитриевич Денисов, церковный староста Иван Михеевич Денисов, «активные посетители» церкви Мария Давыдова из д. Огольцовки, Антонина Васильевна Логова (или Логонова), Фёкла Ивановна Динцова, Василий Иванович

Ежков, Анна Дмитриевна (точнее, Ильинична) Пшеничкина и Мария Ефимовна Пивцаева, а также Елена Васильевна Денисова, Фёдор Александрович Загарин, которых назвала ещё одна из допрашиваемых, подчеркнув, что Ульяновскую церковь посещают почти все пожилые жители Огольцовки.

В окончательной формулировке Пшеничкиной было предъявлено следующее обвинение: «Являясь участницей церковно-монархической контрреволюционной организации, активно проводила контрреволюционную агитацию среди населения, используя их религиозные убеждения, организовала массовое выступление верующих против снятия колоколов».

По приговору суда, проходившего с 22 по 30 июля 1940 года, Анна Ильинична Пшеничкина была осуждена на 5 лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях с дополнительным поражением в избирательных правах на 3 года.

На поданную кассационную жалобу с просьбой о смягчении ей наказания судебная коллегия по уголовным делам Верховного Совета РСФСР ответила отказом, и определением Верховного суда РСФСР от 30 августа 1940 года приговор ей был оставлен в силе.

Находясь в тюрьме № 1 УНКВД Пензенской области, Анна Ильинична Пшеничкина 29 октября 1940 года была помещена в тюремную больницу с диагнозом «активный туберкулёз лёгких» и 21 ноября в 13 часов 30 минут скончалась там в возрасте 58 лет.

А спустя 15 лет, 9 января 1956 года, в д. Огольцовку на её имя было направлено письмо заместителя председателя Пензенского областного суда, в котором сообщалось, что согласно постановлению Президиума Верховного Суда РСФСР от 26 ноября 1955 года приговор в отношении её отменён и делопроизводство прекращено за недоказанностью обвинения.

Вот так привычка громче всех кричать и оторванный хлястик председателя стоили ей жизни.

Абакумова Матрёна Ивановна родилась в 1871 году в семье крестьянина-бедняка в деревне Грязевке Кузнецкого района, вошедшей впоследствии в село Ульяновку. Работала просвирницей в Ульяновской церкви и до 1938 года исполняла обязанности дьячка, после чего сложила их с себя по состоянию здоровья. Неграмотная.

На вопрос, заданный ей во время допроса 26 декабря 1939 года, кого она знает из активных церковников в селе Ульяновке, назвала следующих: попа Владимира Александровича Александрова, который служил там уже третий год; певчих – Николая Ивановича Куренкова из с. Ульяновки, Михаила Гавриловича Загарина из д. Огольцовки.

В ходе ночных допросов следователь постоянно пытался уличить её в антисоветской агитации. 11 февраля 1940 года она подписывает признания в том, что призывала жителей организованно выступать против советской власти, чтобы не закрыли церкви. 12 февраля во время допроса, продолжавшегося с 11 часов до половины пятого вечера, рассказывает об антисоветской проповеди священника Александра, в которой он, согласно «религиозных писаний (Евангелия) говорил»: «Настала для нас сейчас плохая, мучительная жизнь, настало над нами гонение, будут нас, верующих, мучить в тюрьмах, но этому всему будет скоро конец, будет страшный Божий суд, который сурово накажет антихристов, а безбожников всех будут бросать в пламя огня за то, что они отреклись от церкви, от Бога, за то, что они издеваются над нами, не дают молиться, закрывают церкви. Несмотря на то, что нас будут сажать в тюрьмы, мучить, мы должны не отрекаться от церкви, от Бога, ибо в противном случае Он нас сурово накажет, мы должны бороться с советской властью и безбожниками, которые позакрывали церкви, мучают православных граждан».

20 февраля следователь просит Абакумову рассказать о связях, которые она поддерживала с Пивцаевой, Пшеничкиной, Щербаковой, Будниковой, Щипановой (монахиней Аркадией), тем самым пытаясь связать их всех в одно целое.

21 февраля в ходе шестичасового допроса она признаёт, что все, кто бывал у неё в келье, будучи недовольными мероприятиями партии и советской власти, высказывали своё недовольство и несогласие с политикой партии, говорили, что не надо вступать в колхозы.

22 февраля подтверждает, что она была недовольна советской властью, «так как она притесняет верующих граждан, преследует отдельных

церковников, закрывает церкви, грабит церковное достояние, издевается над нами и православной верой, а я человек воспитана и предана Богу, решила до конца своей жизни противостоять мероприятиям советской власти, через антисоветскую агитацию вызывать недовольство среди православных граждан к существующему государственному строю, этим самым привлекать их на сторону религии, чтобы они так, как я, до конца своей жизни были преданы Богу и крепко стояли за сохранение церкви».

После этого следует естественный вопрос: «Кто вас воспитал в антисоветском духе и давал вам установки проводить антисоветскую агитацию?».

На это Абакумова отвечала, что поп Александров систематически ей давал установки религиозного порядка, но к антисоветской агитации не призывал. В её рассказах о тех разговорах, которые велись у неё дома с конкретными людьми, обязательно присутствовала информация, которую можно было трактовать как антисоветскую, поскольку любое недовольство своей жизнью неизбежно вытекало из недовольства советской властью. Трёхчасовые ночные допросы обычно прерывались по просьбе обвиняемой.

26 марта 1940 года заместитель начальника следственной части УНКВД Пензенской области резюмировал все её показания тем, что «в своей практической контрреволюционной деятельности обвиняемая Абакумова М. И. в целях борьбы с советской властью широко использовала религиозные предрассудки отсталой части населения», – в общем-то, дежурной фразой, которая подходила к любому верующему человеку, негодному советской власти.

Один из свидетелей в своих показаниях конкретизировал положение в Ульяновской церкви активных церковников: Николай Максимович Загарин – певчий, его дядя Михаил Гаврилович Загарин – регент, Иван Михеевич Денисов – ктитор.

В постановлении о предъявлении обвинения Абакумова характеризуется следующим образом: «на протяжении ряда лет выполняла обязанности просвирни, а с 1933 года, служа незарегистрированной за дьякона в церкви, будучи враждебно настроенной к советской власти, среди населения вела активную антисоветскую агитацию, направленную на дискредитацию существующего советского строя. Во время снятия колоколов с церкви в ноябре месяце 1939 г. Абакумова являлась организатором сборищ народа вокруг церкви, призывая население к оказанию сопротивления при снятии, вела пораженческую агитацию. Под влиянием её агитации собралась группа церковников и окружила председателя сельсовета, пыталась отнять у него ключи от церкви».

Окончательное обвинение: «Являясь участницей церковно-монархической контрреволюционной организации, по заданиям последней активно проводила контрреволюционную агитацию против мероприятий партии и советской власти, используя религиозный дурман отсталой части населения, организовала в с. Ульяновке массовое выступление верующих против снятия колоколов. Свою квартиру представляла для сборищ своих соучастников по контрреволюционной работе».

Приговор, как и Пшеничкиной, – 5 лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовых лагерях с дополнительным поражением в избирательных правах на 3 года.

Это самые небольшие наказания обвиняемых по делу № 102, и, видимо, такие сроки дали потому, что выступление жителей села Ульяновки против снятия колоколов с их церкви возникло стихийно и от него сложно было провести связь к «руководителям» контрреволюционной организации. Тем не менее, поскольку круг верующих, сгруппировавшихся вокруг Ульяновской церкви, был достаточно ограниченным, это дало возможность через знакомство прихожан друг с другом объединить их воедино в одном следственном деле.

23 декабря 1939 года в 3 часа утра на железнодорожной станции Никулино Куйбышевской железной дороги была задержана неизвестная гражданка, выехавшая из г. Кузнецка, которая весьма подозрительно вела себя перед посадкой в вагон. На её поведение обратил внимание старший оперуполномоченный Кузнецкого городского отдела НКВД и дал распоряжение задержать её для выяснения личности на конечной станции её прибытия Никулино.

При ней оказался паспорт, выданный Карсунским районным отделом милиции НКВД Куйбышевской области 29 сентября 1939 года на имя **Сутыркиной Прасковьи Ильиничны**, 1905 года рождения, уроженки села Большой Урень Карсунского района Куйбышевской области. Она уже находилась в разработке по г. Кузнецку и, подозреваемая в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 УК РСФСР, подлежала аресту, но бежала из города. Статья 58-10 Уголовного кодекса РСФСР подразумевала пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, – «дежурная» статья 30-х годов. После задержания Сутыркина была препровождена в КПЗ Кузнецкого горотдела НКВД.

В отобранном у неё свидетельстве о рождении местом рождения показан центр сельсовета село Урено-Карлинское Карсунского района Куйбышевской области.

29 декабря было выписано постановление на её арест, где говорится: «Сутыркина Прасковья Ильинична в 1931 году была привлечена к судебной ответственности как активный член антисоветской организации «Союз Христовых воинов» и осуждена на 4 года концлагерей. Срок отбыла 2 года, после чего освобождена. Вскоре после освобождения её из-под стражи она установила связь с остатками разгромленной антисоветской организации «Союз Христовых воинов» и выполняла роль маршрутного агента-связиста среди членов этой организации. Одновременно вела активную агитацию антисоветского уклона среди населения за свержение существующего строя. По указанию руководящего центра организации она среди населения и особенно среди верующих выдавала себя за дочь царя Анастасию Романову».

Следует заметить, что по делу «Союза Христовых воинов» (следственное дело № 10249-п) она не проходила, возможно, дело на неё было выделено в отдельное производство.

В тот же день, 29 декабря, мерой пресечения способов уклониться от следствия и суда ей было избрано содержание под стражей в Кузнецкой тюрьме № 2.

В «Анкете арестованного» постоянным местожительством показано село Большой Урень Карсунского района. К особым внешним приметам её отнесены: кривая на левый глаз и длинные монашеские волосы, завязанные косой.

8 января 1940 года ей было предъявлено обвинение. В ходе следствия была допрошена 9 раз. Признала себя виновной, показав, что является активной участницей контрреволюционной церковно-монархической организации. Протоколы её допроса, где можно было бы узнать подробности её «антисоветской деятельности» содержатся, видимо, во 2-м томе следственного дела № 12110-п (бывший № 102), с которым не удалось познакомиться.

Вместо подписи «царская дочь» как неграмотная приложила к анкете большой палец правой руки, но потом всё-таки кое-как накарябала свою фамилию. В материалах дела в отношении Прасковьи Ильиничны Сутыркиной имеется информация, что она, являясь домохозяйкой, одновременно работала в церкви г. Кузнецка, выступала против закрытия и разрушения церкви.

Сутыркина – единственная обвиняемая, которую напрямую удалось связать с Иваном Ивановичем Маловым, избранным следствием на роль главного руководителя данной контрреволюционной организации.

В обвинительном заключении об этом сказано так: «Продолжая свою работу по созданию контрреволюционной организации, Малов в этом же 1936 году связался с освобождённой из-под стражи бродячей монашкой Сутыркиной Прасковьей Ильиничной, выдававшей себя за царскую дочь «Анастасию Романову», которая в 1932 году была арестована по одному делу с Маловым. Эта связь носила контрреволюционный характер, и поддерживалась она путём личных встреч до последних дней. В 1938 году в одной из бесед Сутыркина и Малов на квартире последнего, констатируя общность своих антисоветских взглядов и единство стремлений, направленных на борьбу против существующего строя, договорились о совместной в дальнейшем контрреволюционной работе. Здесь же Малов Сутыркиной дал установку, чтобы она, странствуя по сёлам, наряду с распространением клеветнических и провокационных измышлений по адресу советской власти, в целях объединения контрреволюционного элемента продолжала себя выдавать за царскую дочь Анастасию Романову».

Это обвинение вылилось в такую окончательную её характеристику: «Являясь активной участницей контрреволюционной церковно-монархической организации, по установкам её руководителей, странствуя по сёлам, вела активную антисоветскую работу по объединению контрреволюционно-церковного элемента на борьбу против соввласти».

В итоге она получила 10 лет лишения свободы с отбыванием в исправительно-трудовом лагере с конфискацией принадлежащего ей имущества и поражением в избирательных правах сроком на 5 лет.

23 декабря 1939 года в посёлке Волдачи Николаевского района Пензенской области были задержаны **Понякшева Вера Григорьевна** и **Сюлаев Ефим Гаврилович**.

При задержании первой из них было установлено, что не имеющая при себе никаких документов гражданка является Понякшевой Верой Григорьевной (она же именовала себя Сюлаевой), 1897 года рождения, уроженкой села Андреевки Барановского района Пензенской области, без определённых занятий, проживала вместе со «святым» Ефимом Сюлаевым, «занимаясь колдовством и ворожбой, ходила по сёлам, где распространяла всякого рода слухи о «святом» Ефиме, а также выполняла роль маршрутника по указанию Сюлаева Ефима». Была задержана для выяснения личности и доставлена в Кузнецкую тюрьму № 2 НКВД.

Выяснилось, что в 1932 году она уже была арестована Барановским ОГПУ и осуждена на 5 лет тюремного заключения, заменённого высылкой на этот же срок. Судима была «за распространение религиозного дурмана, знахарство и врачевание по ст. 169 УК». Но срок наказания не отбыла, а в 1936 году бежала, поселившись в Волдачах у Сюлаева, где «принимала посетителей, приходящих к Сюлаеву. Участвовала в антисоветских собраниях, проводившихся в квартире Сюлаева, где давались установки по проведению антисоветской работы среди населения».

В справке, данной председателем Андреевского сельсовета, сказано, что она «до революции являлась монашкой, ходила по монастырям, после революции тоже вела бродячий монашеский образ жизни, полезным общественным трудом не занималась».

Обвинение ей предъявлено 7 января 1940 года. Допрошена была 5 раз. Виновной себя в антисоветской деятельности признала.

Первый допрос состоялся 24 декабря 1939 года и продолжался 9 часов – с 13 ч. 10 мин. до 22 ч. 15 мин.

В ходе допроса стало известно, что до 1920 года она занималась крестьянским трудом в хозяйстве родителей в с. Андреевке Барановского района, а потом уже нигде не работала. С 1932 года отбывала срок наказания – 5 лет вольной высылки, проживая в Саратовской области – в городах Вольске, Пугачёве и в сёлах. Летом 1936 года сбежала с места высылки, не отбыв оставшиеся 9–10 месяцев. Поселилась у инвалида Сюлаева, ухаживала за ним, жила на приносимое ему подаяние. На вопрос следователя, за что ему приносили подаяние, Понякшева ответила: «Подаяние приносили за лечение, гадание и поминание умерших, кроме того он, Сюлаев, приходящим лицам читал церковные книги и Евангелие, этот источник и являлся существованием». Ежедневно приходили по 2–3 человека, но иногда и по 5–10 человек, давали деньгами, продуктами и промышленным товаром. Приходили из окружающих сёл – Баевки, Давыдовки, Телятникова Барановского района, Канадея, Прасковьино, Николаевки, Елшанки Николаевского района и даже приезжали из Куйбышева, Сызрани, Кузнецка и близлежащих районов.

Через несколько дней состоялся второй допрос, в ходе которого начала отрабатываться её «контрреволюционные связи». Допрос проходил в ночь с 29 на 30 декабря и продолжался с 21 часов до 3-х часов.

Самый обычный и самый главный для следствия вопрос: «Кто у вас имеется из близких знакомых и где они проживают?»

Как на него не ответишь после того, как уже сказано, что было много посетителей? И начинает следователь записывать имена людей, чтобы связать их потом в единую сеть контрреволюционных заговорщиков. Не все, конечно, подойдут, но большая часть названных имён пойдёт в дело:

– деревенская монашка Наташа, проживающая в селе Болдасьево Барановского района, без определённых занятий, которая ходит по церквям Кузнецкого района и молится Богу;

– две сестры-монашки Анна Ивановна и Евдокия Ивановна из посёлка Вязовка, по фамилии, кажется, Емановы, которые ходят по сёлам и продают крестики, на это и живут, – взяты следователем на заметку;

– монашка-кулачка Мария Ефимовна Пивцаева, уроженка с. Давыдовки, проживающая с 1936 года в с. Ульяновке Кузнецкого района, – вот и первый кандидат для будущего дела № 102 найден;

– Дуня из Новоспасского района, которая часто ходит в Ульяновскую церковь.

Вопрос следователя: «А кто имеется из ваших знакомых и религиозников в г. Кузнецке?»

Ответ: «Лично моих близких знакомых больше нет в Кузнецке. Есть хорошая знакомая Сюлаеву Ефиму. Фамилию её не знаю, зовут Анной Фёдоровной».

Вопрос: «Кто такая Анна Фёдоровна и чем она занимается в городе Кузнецке?»

Ответ: «Анна Фёдоровна является активной церковницей, служит при Кузнецкой церкви».

Вот и ещё один кандидат, фамилию которой нетрудно будет установить (это Китова-Щербакова, тоже вписанная в дело № 102). И что бы Понякшевой не остановиться: нет знакомых в Кузнецке и всё, пусть Сюлаев сам за себя отвечает, и до него скоро очередь дойдёт. Что это – наша обычная болтливость или старание как можно лучше угодить следователю?

Последовали наводящие вопросы к Понякшевой: когда она была в Кузнецке, встречалась ли там с Анной Фёдоровной, о чём с ней говорили, когда последний раз была в Ульяновке и зачем? Из ответов вырисовывается ещё одна её связь: «Пивцаеву я встретила в церкви, и когда вышли из церкви, Пивцаева спросила, как живёт Ефим, много ли к нему ходят верующих».

– Когда была у вас последний раз Анюта Еманова?

– Анюта была последний раз в доме Ефима 17–18 декабря сего года и оба дня жила у нас.

Вот и одна из сестёр Емановых тоже превратилась в подследственную, а затем и осуждённую Еманову Анну Ивановну.

– О чём у вас с ней был разговор?

– Анюта рассказывала Ефиму, в каких сёлах она была и рассказывала, как живут колхозники, была в Кузнецкой и Ульяновской церкви, ходила в Барышский район к болящему Алёше (ещё один член организации – Дияжев Алексей Гурьянович. – *А. Д.*), и опять перед Рождеством она собирается пойти к Алёше, и Ефима спросила – что передать Алёше? Ефим только сказал ей: передай Алёше, чтобы не бросал Бога.

Как, оказывается, легко фабриковать дела: из случайных, казалось бы, людей, названных обвиняемыми на допросах, быстро вырисовываются контуры будущей контрреволюционной организации. И к следующему вопросу Понякшевой, который последовал 7 января 1940 года, были уже арестованы А. Ф. Китова-Щербакова и М. Е. Пивцаева. Теперь нужно было признание Понякшевой в антисоветской деятельности. Для этого понадобились очные ставки с односельчанами, которые подтвердили её антисоветские высказывания о колхозах и мероприятиях советской власти, в чём она и призналась на следствии в присутствии прокурора.

Теперь пора познакомиться с одним из «руководителей» возрождаемого усилиями следователей «Союза Христовых воинов». Конечно, новая организация получалась совсем не такой содержательной, как раньше: надо же, ни одного священника в церковно-монархической организации нет. Так ведь это и есть остаток прежней, главное, что название гарантирует обвиняемым немалые сроки, хотя ни Понякшева, ни Сюлаев формально к «Союзу Христовых воинов» не имели никакого отношения. Более того, их знахарская деятельность даже как-то компрометировала его.

Итак, **Сюлаев Ефим Гаврилович**, 1890 года рождения, уроженец села Давыдовки Барановского района Пензенской области, проживал в посёлке Волдачи Николаевского района Пензенской области.

В протоколе задержания от 23 декабря 1939 года о нём сказано: «Сюлаев Ефим группирует вокруг себя бродячий элемент, и его квартира стала достоянием сборища бродячих лиц, и проводят контрреволюционную работу против выборов в местные советы. С целью распространения религии Сюлаев раздаёт приходящим лицам святой воды, ладана и других предметов. Также он занимается раздачей всякого рода лекарств и трав и занимается ворожбой. Является организатором этих сборищ и приходящим к нему бродячим и без определённых занятий и другим лицам даёт установки на проведение контрреволюционной работы среди населения. Зарекомендовал себя как «святой». Имеет широкие связи с контрреволюционным и бродячим элементом в городе Кузнецке и других районах, которые к нему приходят под видом разного рода лечения, последним Сюлаев даёт контрреволюционные установки для проведения среди населения». (Пришлось этот текст немного подредактировать).

На этом основании его арестовали и заключили в Кузнецкую следственную тюрьму. В постановлении на его арест от того же числа характеристика ему приведена более чёткая: «Сюлаев является идеологом и организатором контрреволюционно настроенного церковного элемента в Барышском, Барановском, Николаевском, Кузнецком и других районах Пензенской и Куйбышевской областей. Через церковный актив и бродячих монашек создал о себе легенду как о «святом исцелителе». Через антисоветский элемент из церковников распространяет контрреволюционную клевету в отношении советской власти, коммунистов и колхозов».

Особые внешние приметы: «парализован – ноги и правая рука».

Для характеристики преступной деятельности Сюлаева и Понякшевой, за которую они были осуждены в 1932 году по ст. 169 ч. 2 УК РСФСР (мошенничество), приведём сведения из архивного дела народного суда Барановского района. Приговором суда от 10 января 1932 года обвиняемые были осуждены: Сюлаев – на один год лишения свободы, но в силу его инвалидности лишение свободы было заменено общественным порицанием. Понякшева, как мы уже знаем, была осуждена на 5 лет ссылки. Однако означенный приговор в отношении Сюлаева кассационной коллегией Куйбышевского краевого суда был отменён и отправлен на новое рассмотрение. Приговором народного суда от 23 января 1933 года его выслали за пределы Средневолжского края сроком на 5 лет, однако от выполнения срока наказания он скрылся.

Несмотря на то, что предъявленного в 1932 году обвинения в мошенничестве Сюлаев и Понякшева не признали и где-то, может быть, их действия были особым образом интерпретированы судебными органами, тем не менее, они представляют немалый интерес для характеристики подсудимых.

«Судебным следствием установлено, что обвиняемые: 1. Сюлаев происходит из граждан села Давыдовки, крестьянин, 40 лет, единоличник, холост, беспартийный, имущественное положение – дом. Ранее не судим.

2. Понякшева происходит из граждан села Давыдовки, крестьянка, единоличница, 33 лет, неграмотная, беспартийная, девица, имущественное положение – дом. Ранее не судившаяся.

Обвиняются в том, что обвиняемый Сюлаев в текущую хлебозаготовительную кампанию согласно извещения сельсовета обязан был сдать государству по установленным ценам излишки хлеба снятого урожая, но, как усматривается из обстоятельства дела, что обвиняемый Сюлаев от сдачи хлеба в категорической форме отказался, мотивируя свой отказ в отсутствии наличия хлебоизлишков, но путём обыска у него обнаружено в наличии хлеба разных культур в количестве 85 пудов.

Как усматривается из материалов предварительного следствия, что и подтвердилось и на судебном следствии, что он, Сюлаев, инвалид, 20 лет лежит на постели ввиду болезни и совершенно недействию ног, и он, Сюлаев, в течение этого времени занимался мошенничеством, знахарством, врачеванием, распространяя разные религиозные суеверия среди отсталой части населения, давая разные советы и наставления приезжающим к нему гражданам, за что получал вознаграждения деньгами, хлебом, маслом, яйцами, мануфактурой и другими предметами.

В этом ему, обвиняемому Сюлаеву, всецело способствовала его сожительница Понякшева, которая проживает с ним в течение 13 лет, также она, Понякшева, давала разные советы к ним приезжающим гражданам, также занималась врачеванием, знахарством и распространяла разные религиозные суеверия среди тёмной отсталой части населения.

Они, обвиняемые Сюлаев и Понякшева, среди отсталой части населения имели большой авторитет и пользовались известностью под названием «болящий святой Ефим» не только в с. Давыдовке и ближайших селениях, но даже о них знали селения в других соседских уездах и губерниях и ездили к ним за сто и более вёрст, привозили им разные подарки за советы и за врачевание. Имело место, приезжали к ним из быв. губернии из селений Топорино и др. селений.

Сюлаев и Понякшева в молодости

Кроме разных советов они, обвиняемые, приезжающим гражданам давали святой воды и разные камешки и другие предметы с целью исцеления больных.

В особенности за последние два-три года в связи закрытия церковей к ним со всех концов стали больше приезжать посетители за разными советами, они даже приобщали тёмных женщин, имея у них церковное вино и просвирки.

Они, обвиняемые, имели тесную связь с служителями религиозного культа, имели разные переписки, что имеется при деле.

Письма получали от разных концов СССР, им писали религиозные служители, преступники, находящиеся в ссылке, и при помощи их распространяли разные религиозные суеверия, особенно среди женщин-мордочек.

При проведении сельсоветами окружающих селений коллективизации женщины ходили советоваться, вступать или не вступать в колхоз, собирались женщины по ночам в его квартиру и пели религиозные песни, и он, Сюлаев, являлся руководителем этих женщин сборищ и среди коих распространял разные нелепости, как-то: прихода антихриста, падении советской власти и окончании жизни на земле».

Суд, обзрев все материалы по делу и выслушав обвиняемых, свидетелей, обвинителей и защиту, приговорил: «Сюлаева Ефима Гавриловича подвергнуть к лишению свободы на один год. Но имея в виду, что у него не действуют ноги, не может производить работу физического труда, в соответствии ст. 51 УК РСФСР лишение свободы заменить общественным порицанием путём объявления в местной газете «Голос колхозника».

Понякшеву Веру Григорьевну подвергнуть к ссылке в места, указанные НКЮ, на пять лет соединением на весь срок ссылки принудительными работами. Мера пресечения по отношению Понякшевой изменить – заключить её немедленно под стражу с содержанием до вхождения приговора в законную силу при Кузнецком ИТД.

Имея в виду, что они имеющееся у них описанное имущество, нажитое мошенническим путём, согласно описи имущества при деле, конфисковать в пользу Республики, также конфисковать хлеб, оставить только хлеб в пользу Сюлаева 10 пудов ржи».

Сейчас бы частную фирму под названием «Болящий святой Ефим» спокойно зарегистрировали – мало ли всяких мошеннических целителей действовало и продолжает действовать на просторах нашей страны. Судя по всему, и в 1939 году они продолжали заниматься тем же самым ремеслом, которое к христианству никакого отношения не имеет, а вот по-ди-ка – попали в «Союз Христовых воинов», пострадав, судя по названию

организации, за веру Христову. Хотя, с другой стороны, и религиозными делами всё-таки занимались.

24 декабря 1939 года на дом к Сюлаеву пришли представители органов власти для проведения обыска, однако хозяева отказались впустить их в дом, и тогда «был произведён срыв дверного крючка»

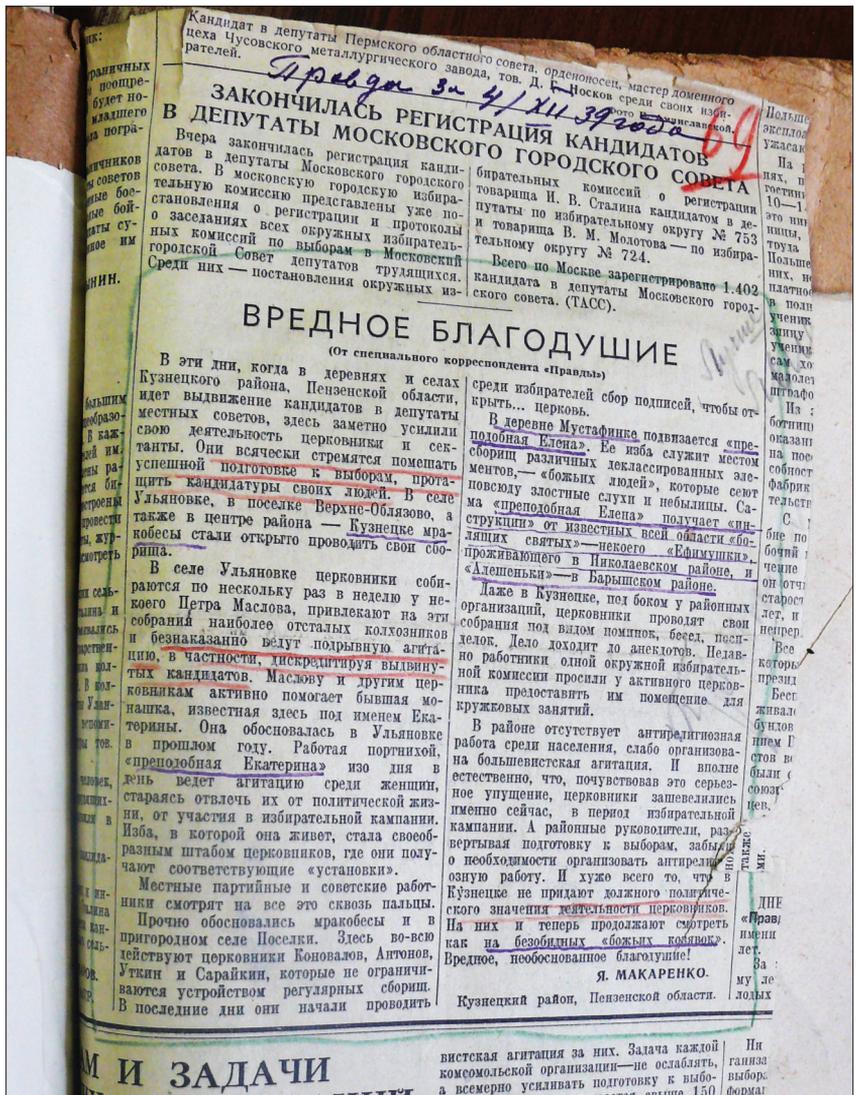
В ходе обыска на квартире Сюлаева были изъяты вещественные доказательства, из которых, как не представляющие интереса для следствия, были уничтожены путём сжигания: разная переписка на 8 листах, блокнот с фотокарточками, рисунок с личностями Сюлаева и Понякшевой, кусок коленкора, 7 штук просвирок, 5 оловянных крестиков, восковые свечи на 200 грамм, 25 штук религиозных книг и два поминания. А приобщены к делу 13 листков записок, фотоснимок Сюлаева с Понякшевой и вырезка из газеты с портретом председателя ВЧК ОГПУ Ф. Э. Держинского «в издевательско порванном виде», на что был составлен отдельный акт.

Также был составлен акт на изъятие обнаруженных во время обыска «разных медикаментов и масел в количестве 50 бутылок разных размеров

и большое количество разных корней трав, сухую шкуру змеи и других снадобий, которые Сюлаев употреблял в практике знахарства и выдавал людям».

К делу приобщили и статью из центральной газеты «Правда» за 4 декабря 1939 года под заголовком «Вредное благодушие», написанную

специальным корреспондентом газеты Я. Макаренко, в которой говорилось об активизации перед выборами в депутаты местных советов Кузнецкого района деятельности церковников и сектантов и упоминается Ефим Гаврилович Сюлаев (Ефимушка). Статья, несомненно, представляет интерес, поскольку проливает свет на малоизученную религиозную жизнь Пензенской области в предвоенное время.

«В эти дни, когда в деревнях и сёлах Кузнецкого района Пензенской области идёт выдвижение кандидатов в депутаты местных советов, здесь заметно усилили свою деятельность церковники и сектанты. Они всячески стремятся помешать успешной подготовке к выборам, протащить кандидатуры своих людей. В селе Ульяновке, в селе Верхне-Облязово, а также в центре района – Кузнецке – мракобесы стали открыто проводить свои сборища.

В селе Ульяновке церковники собираются по несколько раз в неделю у некоего Петра Маслова, привлекают на эти собрания наиболее отсталых колхозников и безнаказанно ведут подрывную агитацию, в частности дискредитируя выдвинутых кандидатов. Маслову и другим церковникам активно помогает бывшая монашка, известная здесь под именем Екатерины. Она обосновалась в Ульяновке в прошлом году. Работая портнихой, «преподобная Екатерина» изо дня в день ведёт агитацию среди женщин, стараясь отвлечь их от политической жизни, от участия в избирательной кампании. Изба, в которой она живёт, стала своеобразным штабом церковников, где они получают соответствующие «установки».

Местные партийные и советские работники смотрят на всё это сквозь пальцы.

Прочно обосновались мракобесы и в пригородном селе Посёлки. Здесь всю действуют церковники Коновалов, Антонов, Уткин и Сарайкин, которые не ограничиваются устройством регулярных сборищ. В последние дни они начали проводить среди избирателей сбор подписей, чтобы открыть... церковь.

В деревне Мустафинке подвизается «преподобная Елена». Её изба служит местом сборищ различных деклассированных элементов – «божьих людей», которые сеют повсюду злостные слухи и небылицы. Сама «преподобная Елена» получает «инструкции» от известных всей области «болящих святых» – некоего «Ефимушки», проживающего в Николаевском районе, и «Алëshеньки» – в Барышском районе.

Даже в Кузнецке, под боком у районных организаций, церковники проводят свои собрания под видом поминок, бесед, посиделок. Дело доходит до анекдотов. Недавно работники одной окружной избирательной

комиссии просили у активного церковника предоставить им помещение для кружковых занятий.

В районе отсутствует антирелигиозная работа среди населения, слабо организована большевистская агитация. И вполне естественно, что, почувствовав это серьёзное упущение, церковники зашевелились именно сейчас, в период избирательной кампании. А районные руководители, развёртывая подготовку к выборам, забыли о необходимости организовать антирелигиозную работу. И хуже всего то, что в Кузнецке не придают должного политического значения деятельности церковников. На них и теперь продолжают смотреть как на безобидных «божьих козявок». Вредное, необоснованное благодушие!».

Так, может быть, именно эта статья спецкора газеты «Правда» и подтолкнула местных партийных и советских работников отреагировать на религиозную ситуацию в районе? А скорее всего, даже не сама статья, а нагоняй сверху, который они получили после её выхода.

Справка Давыдовского сельсовета, представленная в феврале 1940 года для приобщения к следственному делу, добавляет некоторые черты к биографии Сюлаева. Оказывается, он до болезни работал по найму, где у него и отнялись ноги, «после чего ему был поставлен дом как-то гражданами с. Никитино, где он занимался книжником, т. е. считался как ворожея, по линии чего нажил был большое имущество, в 1930 году были отобрано, и был судим за религии и лишён избирательных прав, после чего он в селе Давыдовки не проживал» (орфография оригинала сохранена).

Допрошен подсудимый был 11 раз, после чего, «признав себя виновным в антисоветской деятельности, показал, что является участником церковно-монархической организации, в которую был завербован Маловым Иваном Ивановичем (тут уж, конечно, без подсказки следователя не обошлось. – А. Д.), по заданиям последнего вёл активную контрреволюционную работу, ставя своей задачей свержение советской власти и установление монархии». С протоколами допроса Сюлаева автору ознакомиться не пришлось, так как они, видимо, находятся во 2-м томе следственного дела, который не удалось изучить.

Окончательная формулировка деятельности Сюлаева в обвинительном заключении следующая: «Наравне с Дияжевым был руководителем названной контрреволюционной организации. Путём обработки в антисоветской направленности церковно-бродячего элемента создавал контрреволюционные кадры и организовывал их на борьбу против существующего строя».

Приговор Сюлаеву как руководителю самый суровый: «Подвергнуть к высшей мере наказания – расстрелять с конфискацией всего имущества».

Понякшевой Вере Григорьевне – такой же, высшая мера наказания, хотя она была только «виновна в том, что, будучи послушница подсудимого Сюлаева и являясь активной участницей контрреволюционной организации, вела бродячий образ жизни, ходила по сёлам и среди местного населения, используя религиозный фанатизм населения, вела контрреволюционную агитацию против выборов в советы, распространяя клеветнические измышления против советской власти».

В кассационной жалобе в судебную коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР адвокат Сюлаева и Понякшевой, отмечая, что они, хотя и отказались подавать апелляцию по своим религиозным убеждениям, считая, что эта мера наказания является лучшим способом войти в Царствие Божие, тем не менее, полагал высшую меру наказания слишком суровой. Он находит, что приговор может быть смягчён по следующим причинам: Сюлаев с 18-летнего возраста инвалид на 100 % и с этого возраста лежит без движения. Их агитация против колхозов и выборов абсолютно никакого практического результата не имела, так как выборы прошли на 98,8 %, а колхозы цветут и крепнут с каждым годом. Свидетели подтверждали, что он занимался мошенничеством, но фактов антисоветской агитации не приводили, как и в отношении Понякшевой.

В результате поданной жалобы расстрел Понякшевой был заменён на 10 лет лишения свободы с конфискацией имущества и поражением в избирательных правах на 5 лет, приговор же Сюлаеву оставлен в силе.

4 сентября 1940 года Понякшева Вера Григорьевна получила сообщение Пензенского областного суда о смягчении ей наказания.

Сюлаев Ефим Гаврилович подтверждения о своём расстреле не дождался – накануне, 3 сентября, он скончался в тюрьме от декомпенсированного миокардита в возрасте 50 лет.

Китова, она же Щербакова, Анна Фёдоровна, 1878 года рождения, уроженка г. Кузнецка, где и проживала на момент ареста по адресу: ул. Гражданская, 51. Арестована 24 декабря 1939 года. К сожалению, протоколы её допроса находятся также во 2-м томе следственного дела, который не удалось посмотреть. Однако протоколы других задержанных по делу № 102 свидетельствуют, что круг упоминаемых в них лиц фактически один и тот же, то есть подследственные были знакомы друг с другом, что и не удивительно, поскольку имели возможность общаться и при посещении одних и тех же церквей, и при ночёвке у одних и тех же церковников, у которых собиралось по 10–20 человек, пришедших в церковь издали, к примеру, в с. Ульяновку, и вынужденных заночевать в этом селе. Да и вообще, посещение верующими друг друга, «святых болящих»,

обсуждение наболевших вопросов, совместное чтение церковных книг, пение псалмов – дело обычное в религиозной среде, однако это «обычное дело» стараниями следственных органов с успехом трансформировалось в контрреволюционные связи и антисоветскую деятельность.

Доказательством существующей связи между церковниками часто являлись их письма, как, например, в случае с Китовой-Щербаковой, у которой при обыске найдена переписка на 15 полулистах. Особо заинтересовали следствие два письма, присланные ей «её соучастником по контрреволюционной работе» Алексеем Гурьяновичем Дияжевым, что свидетельствовало о наличии связи между ними, как сразу же квалифицирует заместитель начальника следственной части УНКВД Пензенской области, рассмотрев следственный материал в деле № 102 по обвинению Китовой-Щербаковой. А в отношении изъятого у неё при обыске в числе прочих документов удостоверения на право голосования следователь утверждает, что оно «было взято с целью уклонения от участия в голосовании по выборам в областные и местные советы депутатов трудящихся, что характеризует её враждебное отношение к мероприятиям ВКП(б) и соввласти». Тут даже трудно уловить логику: если отказывается голосовать – значит, стоит на антисоветских позициях, это понятно; имеет удостоверение для голосования – это, оказывается, тоже свидетельствует о её враждебном отношении к советской власти.

К делу приобщено найденное у неё удостоверение, выданное 23 мая 1933 года, о том, что она содержалась в Кузнецком доме заключения с 16 февраля по 23 мая 1933 года и освобождена под подписку о невыезде с места жительства. Это удостоверение – времени следствия по делу «Союза Христовых воинов», по которому она была арестована, но по решению

Особого совещания освобождена с учётом в наказание срока предварительного заключения.

Сейчас следователь пытается вновь её связать с этой организацией. В его письме на имя начальника спецотдела УНКВД Куйбышевской области от 29 февраля 1940 года говорится: «Арестованная нами участница к.-р. организации церковников Китова-Щербакова Анна Фёдоровна проходит по связям с одним из руководителей ликвидированной в 1933 году Куйбышевским УНКВД церковно-монархической к.-р. организации «Союз Христовых воинов» – Благовым Степаном Петровичем, который был арестован и осуждён к ссылке. Для приобщения к следственному делу Китовой-Щербаковой на Блага прощу выслать справку о его судимости. Вместе с тем также прощу проверить и сообщить нам, не проходит ли Благов по Вашему действующему оперучёту и где он в настоящее время находится». Напомним, иеромонах Степан Петрович Благов проходил в 1933 году как один из наиболее активных членов «Союза Христовых воинов» – в качестве руководителя ячейки села Тарлаково Кузнецкого района и был осуждён на 3 года заключения в исправительно-трудовой лагерь. Стремление следователя попытаться привязать его к делу № 102 понятно – сейчас в церковном деле нет ни одного священника на роль руководителя.

РСФСР
КУЗНЕЦКИЙ ДОМЗАК
22/5 1933 г.
г. Кузнецк
Личное дело
№ 268 1933 г.

Удостоверение
Дано Го лу *Стк* губ.
уезда *Кузнецк* вол. *Братская* уезда *Чу* дер.

Щербаковой Анне Фёдоровне 60 лет
(фамилия, имя и отчество)

в том, что он содержался в Кузнецком Домзаке
по постановлению Ш.И.И. от 16
февраля 1933 г. по *дз "Мель"*
1933 г. и освобожден по *постановлению*
Кузнецк *роты* *под командованием*
полковника *С.С.С.С.*

Начальник Домзак *С.С.С.С.*
Делопроизводитель *С.С.С.С.*

23 марта 1940 года следственная часть Пензы вновь обращается в Куйбышев с просьбой поспешить с исполнением их просьбы. Неизвестно, какой ответ на это был получен.

Но связь Китовой-Щербаковой с некоторыми церковниками, впоследствии арестованными, а следовательно уже стоявшими на оперучёте, определилась сразу же. В постановлении на её арест от 29 декабря 1939 года говорится: «Китова-Щербакова А. Ф. является активной церковницей, имеет связь с активным участником антисоветской организации болящими Алексеем Дияжевым из с. Бекшанки Барышского района (арестованным лишь 28 января 1940 года. – А. Д.) и организатором антисоветского формирования из церковников Ефимом Сюлаевым. У неё на квартире ютился разный бродячий элемент из монахов, монашек и других антисоветских элементов, где обсуждались вопросы антисоветского содержания. Кроме того, 17/ХІІ-39 г. к ней на квартиру прибыла связистка – активный член к.-р. организации «Союз Христовых воинов» Сутыркина П. И., которая имела прямое задание от руководителей центра организации связаться с Китовой-Щербаковой, чтобы дать установку об отказе принимать участие в голосовании».

Подследственная была также отправлена в Кузнецкую тюрьму №2. 8 января 1940 года ей было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности, однако Китова-Щербакова виновной себя не признала. И хотя, как было сказано, она «в контрреволюционной деятельности изобличается показаниями своих соучастников», но, видимо, недостаточно изобличалась, поэтому после девяти допросов срок следствия ей был продлён.

Так ничего и не найдя, в обвинительном заключении о ней высказались следующим образом: «Будучи активной участницей контрреволюционной организации, группировала вокруг себя бродяжничающий церковный элемент и направляла его на враждебную деятельность против советской власти». Итог – десять лет лишения свободы с поражением в избирательных правах на 5 лет и конфискацией имущества.

Пивцаева Мария Ефимовна, 1884 года рождения, уроженка с. Давыдовки Барановского района Пензенской области. В 6 лет потеряла отца, после смерти которого мать ушла в Старо-Костычский Смоленский женский монастырь Съзранского уезда, оставив её с двумя братьями. Периодически ходила к матери в монастырь, где жила по 2–3 недели, пока та в 1920 году не умерла. В 1912 году ездила в г. Киев и пробыла там до 1914 года. В 1914 году братья разделились, и она стала жить поочерёдно то у одного, то у другого, пока они ей в 1928 году не построили келью. Нигде

не училась, но самостоятельно выучила русский и церковнославянский языки и научилась писать. В 1929 году братьев раскулачили. Тимофея сослали в Казахстан, где он в 1930 году умер. У Макара изъяли всё имущество, но не сослали, он скончался в 1938 году. В 1931 году сельсовет отобрал имущество и у неё за неуплату культналога. В 1934 году она продала свой дом и стала жить у брата, а после его смерти перебралась в с. Ульяновку, потому что там была церковь. Жила у портнихи Анны Павловны Поповой. Кроме того, посещала раз в год церковь в г. Кузнецке, а также в с. Евлашево.

Арестована Пивцаева была 22 декабря 1939 года.

На вопрос о сборищах антисоветского элемента в её келье в Давыдовке и о посещении её Понякшевой, отвечала, что сборищ никаких не было, а люди заходили по каким-либо делам, Понякшева всего один раз была по пути в Барановку, хотя с ней и была хорошо знакома по Давыдовской церкви. С Сюлаевым знакома с детства, хотя была у него всего один раз, когда приносила ему хлеба.

Знакомые по Давыдовской церкви были всё те же: Пшеничкина, Абакумова, староста Иван Михеевич Денисов, церковный сторож Андрей Дмитриевич Денисов, отец Александров, Понякшева.

Насколько же изматывающими были шестичасовые дневные и четырёхчасовые ночные допросы, на которых разговор шёл об одном и том же: с кем знакома и о чём говорила с ними.

Были привлечены и свидетели, утверждающие, что в 1930–1931 годах она агитировала не вступать в колхоз.

Однако Пивцаева долго всё отрицала. Наконец, сломив её упорство, 14 февраля 1940 года следователь получил от неё признание: «Да, дей-

ствительно, я на протяжении всего следствия вела борьбу со следствием и упорно скрывала свою антисоветскую деятельность, а также скрывала антисоветскую деятельность других лиц из церковников». И призналась в том, что у себя в Давыдовке в коллективизацию 1930–1931 годов вела контрреволюционную агитацию по причине раскулачивания её брата и лишения её права голоса.

В три часа дня нервы у Пивцаевой сдали, и она, выхватив из рук следователя протокол, в котором он начал отражать её связь с духовенством г. Киева, изорвала его на мелкие кусочки.

На следующий день следователь вновь заносит все эти её показания в протокол, а также и антисоветские высказывания Пивцаевой, которая заявила ему: «Ваша антихристова жизнь достойна самой низости и пошлости, непременно ей будет конец».

Из её речи следователя заинтересовало одно выражение: «Как понимать: «Христос терпел и нам велел»? Пивцаева поясняет: «Советская власть – власть антихристова, а антихрист является врагом Бога и верующих. Значит, советская власть издевается над верующими, сажает их в тюрьмы, закрывает церкви и ведёт борьбу с религией. Поэтому мы, верующие, получая издевательство, гонение и невзгоды от советской власти, должны терпеть».

После пяти часов допроса Пивцаева «призналась», что в момент коллективизации она организовала в Давыдовке «группу антисоветского выступления женщин с требованием о роспуске колхоза» и назвала имена четырёх женщин, которые по её установке пошли в сельсовет требовать роспуска колхоза.

На самом деле всё происходило так: во время хоровода, в котором участвовало человек 10 женщин и, естественно, велись какие-то разговоры, она им сказала, что если они недовольны колхозом, то пусть идут в сельсовет и там требуют, чтобы колхоз распустили. Они действительно пошли в сельсовет, но их оттуда прогнали, так что они ничего не добились. В переложении следователя всё это, естественно, принимало совсем другой оборот. Только ему нужна была не частная инициатива Пивцаевой, а руководящее указание организации, которую он пытался сконструировать, объединив Пивцаеву с Абакумовой и Пшеничкиной, а во главе поставив священника Александра. Но почему-то священника в эту организацию всё никак не удавалось вписать, да и вообще он как-то смог избежать ареста.

25 февраля Пивцаева наконец-то сломалась: после шести с половиной часов допроса она соглашается с тем, что «является активной участницей контрреволюционной церковной монархической группы» и называет

имена своих знакомых по Ульяновской церкви – более половины выдуманного следователем контрреволюционного состава мифической организации: Шабайкина, Сюлаева, Китову-Щербакову, Хохлову, Косолапова, Понякшеву, Дубаеву, Семёнову, Абакумову, Пшеничкину.

Для порядка, чтобы показать, что эти фамилии названы без давления с его стороны, следователь задаёт Пивцаевой вопрос: «Вы никого не оговорили из названных мною участников контрреволюционной церковной монархической группы?»

– Нет, – отвечает обвиняемая, – я показала правду, и свои показания о названных мною участниках контрреволюционной группы церковников подтверждаю полностью.

Дальше, как говорится, дело техники: «Какие задачи ставила контрреволюционная группа?»

– Путём своей контрреволюционной работы добиваться свержения советской власти и восстановления старого царского монархического строя, который верует в Бога и борется за религию.

– Какими методами борьбы группа намеревалась свергнуть советскую власть?

– Наша контрреволюционная группа церковников намеревалась свержения советской власти путём агитации среди населения против коллективизации сельского хозяйства, против выборов в органы советской власти, рассказыванием религиозных проповедей антисоветского содержания на собраниях, внедрением религиозного суеверия, привлечения на свою сторону репрессированных и обиженных лиц советской властью с целью организации восстания внутри страны во время нападения на Советский Союз со стороны капиталистических государств – на это у нас была главная надежда.

Слабо отражена связь с Абакумовой? Это нужно подработать: «Да, действительно, я от следствия пыталась скрыть, но совесть моя заставила говорить правду, что с Абакумовой я систематически встречалась...» и т. д.

Следователь всё-таки не оставляет надежды привлечь к делу и священника: «Какие вам поп Александров давал установки?»

– Исполняя роль псаломщика, я неоднократно от попа Александрова Владимира Александровича получала поручения читать духовные правила антисоветского содержания, но чтобы он давал установки и разъяснял значение читки этих правил – этого он не делал, – смазала концовку Пивцаева.

Может, тогда спросить по-другому? Вопрос: «Из каких источников вы установили эти прочитанные вами антисоветские духовные правила,

содержание которых вами было произнесено и зафиксировано в протоколе допроса от 14 февраля 1940 года?»

Давайте вспомним эти духовные правила, занесённые в протокол раньше: «Господи, прими во внимание наше обращение и избавь ото всех грехов и мучений, мы повинемся перед Тобой и даём клятву, что мы никогда не отречёмся от Твоих повелений и, несмотря ни на какие мучения и гонения со стороны советской власти и безбожников, которые мучают православных граждан, закрывают церкви, мучают в тюрьмах церковников, мы клянёмся пред Тобой, что будем верны Тебе вечно. Скоро этим мучениям будет конец, ибо Божий суд всех безбожников, антихристов, а также грешных пред Богом людей сурово накажет, будет бросать в огонь и другие страшные для них кары и мучения».

Пивцаева же на заданный вопрос отвечает: «Производя читку среди верующих духовных правил антисоветского содержания, мною было прочитано из духовного учебника, написанного по-славянски, но не знаю, кто является автором этого учебника».

Судя по ответам, Пивцаева не так проста, как могло показаться вначале.

На вопрос, какого она добилась результата в своей работе против коллективизации, Пивцаева честно признаётся, что четыре человека в результате её агитации не вошли в колхоз. Но мало ли почему не вошли, вот если бы вышли из колхоза, было бы другое дело.

А теперь о её разговорах с Гаврилой Михайловичем Шабайкиным: «Какую контрреволюционную работу проводили с ним, построенную на антисоветских взглядах?»

Ответ: «На допросе 25 февраля сего года я показала, что знаю не Шабайкина Гавриила Михайловича, а Гавриила старца из д. Кулебяково, вы неправильно записали в протокол, значит, ошиблись». Тут уж и некоторое ехидство с её стороны как бы проскальзывает.

– При встречах я с ним разговоров не вела, а когда он приходил в мою келью, то чаю попьёт и уходит неизвестно куда.

Да кто ж в это поверит, что молча чай пили: «Вы следствию говорите неправду. С Гавриилом старцем из д. Кулебяково вы знакомы на почве антисоветских взглядов и, систематически посещая вашу келью, с ним вели антисоветские суждения».

– Нет, он вёл со мной разговор бытового характера, а антисоветских суждений я с ним не вела и знакома была не на антисоветских взглядах, а как с верующим.

Вопрос: «Что вам известно о практической контрреволюционной работе участников церковно-монархической группы?»

Ну, подожди, гадина, достал ты меня, поспевай только записывать, сейчас ты у меня наслушаешься сладких слов, – прорвало-таки Пивцаеву:

«Примерно в июне 1938 года в ограде Ульяновской церкви после обеда, где присутствовали... (идёт перечисление лиц. – А. Д.) имело место антисоветское суждение. Антисоветский разговор вёл Благодаткин Иван Фёдорович, последний заявил: «Настало время гибели нашей жизни, советская власть издевается над верующими, закрывает церкви, запрещает молиться Богу, посылает гонение над верующими христианами, гноит в тюрьмах всех верующих, но, несмотря на это, мы, верующие, должны не подчиняться этой антихристовой власти и только молиться Богу и терпеть за все гонения и страдания верующих, получаемых со стороны советской власти». В этом разговоре контрреволюционного содержания все присутствующие были довольны и этот разговор поддерживали с неоднократным повторением «Да, да». В 1938 г., не помню, какого месяца, летом, в с. Ульяновке, когда я шла с водой из пруда, то по дороге мне повстречалась Семёнова Февронья Ермолаевна. Последняя меня спросила: «Ну как жить думаешь? Как устроилась?» Я ей ответила, что приписалась, жить буду в с. Ульяновке и ходить молиться в церковь буду, а она мне ответила: «Ну, вот ты теперь попала. Никуда не уйдёшь от НКВД, и ты не можешь скрыться, ведь тебя скоро арестуют. Вот я никогда не бываю на одном месте, поживу в одном месте – перехожу в другое, поэтому меня не арестуют».

Да арестовали уж, всех вас уже арестовали, – промелькнуло, может быть, у следователя в голове после таких услышанных откровений, но он продолжил: «Чем вы ещё можете дополнить следствие по данному делу?»

– Дополнить следствие могу тем, что советская власть сама идёт к гибели и весь народ ведёт к гибели, и всех терзает, поэтому я с политикой советской власти ни в коей мере не согласна. Такую враждебность к советской власти буду питать до самого конца своей жизни.

Следователь: «Предлагаю прекратить клеветать и высказывать пораженческие настроения против советской власти».

– Никогда не прекращу клеветать и высказывать пораженческие настроения против советской власти, – вошла в раж Мария Ефимовна, – так как я являюсь её врагом и буду вести с ней борьбу.

Это был допрос 2 марта 1940 года. А всего она была допрошена 10 раз и высказала следователю всё, что у неё наболело, хотя, надо заметить, и следователь от неё услышал всё, что хотел узнать.

26 марта заместитель начальника следственной части УНКВД Пензенской области резюмировал её обвинение так: «В своей практической контрреволюционной деятельности обвиняемая Пивцаева М. Е. в целях

борьбы с советской властью широко использовала религиозные предрассудки отсталой части населения».

За это на суде она получила 10 лет лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовом лагере, с конфискацией имущества и поражением в избирательных правах на 5 лет.

26 ноября 1955 года постановлением Президиума Верховного суда РСФСР Пивцаева Мария Ефимовна была освобождена из ссылки, которую она отбывала в Карагандинской области.

В 1991 году, в проводимую кампанию по реабилитации жертв репрессий, в отношении её, как и других участников данного дела, вынесено определение: «Сведений и доказательств о преступной её деятельности в деле не имеется, осуждена незаконно».

Косолапов Фёдор Иванович, 1903 года рождения, уроженец села Верхнее Аблязово Кузнецкого района, единоличник, вёл замкнутый образ жизни. Задержан 25 декабря 1939 года. Допрошен 6 раз, виновным себя не признал.

Квалифицировался обвинением как активный участник контрреволюционной организации с формулировкой: «Являясь активным участником контрреволюционной организации, следуя установкам своих руководителей, объединял церковно-бродячий антисоветский элемент и использовал его в контрреволюционных целях. Одновременно вёл антисоветскую агитацию, направленную против мероприятий партии и правительства».

В материалах обвинения о нём сказано следующее: «Косолапов, будучи привлечён к контрреволюционной работе Дияжевым, через Самойлова связался с Шабайкиным и в 1938 и 39 г. дважды приходил к

нему в с. Шняево. Шабайкин в беседе с Косолаповым, проповедуя ему евангельское учение, подошёл к разговору на антисоветскую тему и под предлогом защиты религии растолковал Косолапову необходимость объединения верующих на борьбу с советской властью. При этом Косолапов получил от Шабайкина задание вести среди верующих агитацию, направленную против выборов в советы депутатов трудящихся. Наряду с этим в процессе как Шабайкин, так и Косолапов, поддерживая друг друга, вели контрреволюционные суждения по адресу руководителя ВКП(б) и всячески опошляли ныне существующий строй и колхозы.

На основе указаний Шабайкина и Дияжева Косолапов, помимо антисоветской агитации, которую он проводил, странствуя по сёлам, устраивал у себя сборища контрреволюционного элемента. Так, летом в 1938 году на одном из таких сборищ, устроенном Косолаповым у себя в доме, в числе собравшихся 9 человек принимали участие и ныне арестованные по этому делу Филатова, Барцайкина и Самойлов, Косолапов собравшимся передал установку Дияжева и Шабайкина о проведении антисоветской деятельности. Он призывал собравшихся проводить среди населения контрреволюционную работу, направленную на срыв выборов в Верховный Совет РСФСР, дискредитируя кандидатов в депутаты блока коммунистов и беспартийных, агитировать оставшуюся часть единоличников не вступать в колхозы, распространяя провокационные слухи о тяжёлой экономической жизни колхозников. Вместе с этим Косолапов распространял пораженческие слухи о войне против СССР и поражении в ней».

В постановлении на его арест говорится: «22/ХІІ-39 г. в присутствии председателя сельсовета Коржева Косолапов заявил: «На выборы я не пойду, мне Ваши выборы не нужны, мне не надо ваших Советов и также не нужна советская власть, проживу без неё. Вам нужна советская власть, вы и выбирайте. Идите из моего дома и больше не ходите», что было подтверждено свидетельскими показаниями.

За это он и получил 10 лет лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовом лагере, с конфискацией имущества и поражением в избирательных правах на 5 лет. Словно в ответ на его слова советская власть продемонстрировала, что без неё прожить будет совсем непросто.

Шабайкин Гавриил Михайлович родился в 1894 году в селе Шняево Базарно-Карабулакского района Саратовской области, чуваш по национальности.

Как следует из его характеристики, написанной в сельсовете, Шабайкин до и после Октябрьской революции имел в своём хозяйстве дом, лошадь, корову и несколько голов овец. В 1915 году был взят в армию и

отправлен на фронт, попал в плен, где находился до 30 декабря 1919 года. В плену совершил побег из одного лагеря в другой и был арестован германской полицией, после 10-дневного пребывания под стражей вновь направлен на работу. Вернувшись домой, занимался сельским хозяйством. В 1929 году ему пришлось продать лошадь по недостатке государству хлеба. В 1928–1929 годах являлся церковным старостой при Шняевской церкви. В 1930 году, в момент организации колхозов, ликвидировал своё хозяйство. В колхоз не вступил и с 1930 по 1940 год «вёл агитацию среди отсталого населения против колхозов, а сам притворялся умалишённым».

Считается, что арестован он был 4 января 1940 года, хотя первый допрос состоялся 3-го числа. Был помещён в Кузнецкую тюрьму. При аресте у него было изъято 12 книг, из них следствие привлекла только одна – Евангелие, написанное собственноручно Шабайкиным, которое, как отмечалось, «содержит в себе явно контрреволюционные трактовки и изобличает Шабайкина в антисоветской деятельности». Её приобщили к делу как вещественное доказательство, а остальные сожгли. Был допрошен 12 раз.

На первом же допросе откровенно высказал свою позицию по отношению к советской власти. На вопрос следователя, состоял ли он в колхозе, Шабайкин ответил: «Нет, никогда в колхозе не состоял и не пойду», а дальше объяснил причины: «Во-первых, я должен сказать, что после того как утвердилась советская власть и не было колхозов, то жизнь была гораздо лучше. Крестьянство имело возможность укрепляться, развивать своё хозяйство, и жизнь того времени мне нравилась. Колхозы с момента их существования разорили крестьянство и довели их до изнеможения. С 1929 года, как я считаю, началось гонение на народ, уничтожение церк-

вей, массовые репрессии и т. д. Всё это озлобляло меня, и с этого времени я стал ярким противником советской власти, но свою озлобленность никому не высказывал.

Коллективизацию я расценивал и расцениваю теперь так, что это создаётся сила советской власти, которая направлена будет на уничтожение религии. Нил Мироточивый на изречения пророка Даниила в своих комментариях писал: «Народится в 1870 году человек и умрёт в 1923 году, он построит новую власть и ей будет управлять, но после его смерти начнётся гонение на народ, будут разорять крестьян, начнутся массовые репрессии, и эта власть будет существовать до окончания мира». В это я верю, ибо здесь написано верно.

В 1932 году, когда в нашем селе закрывали церковь, я открыто выступил и говорил: «Советская власть есть власть Антихриста, поэтому она и нарушает все старые законы».

Всё это вместе взятое крайне обозлило, и с тех пор я стал врагом советской власти».

На вопрос следователя, где он взял книгу Нила Мироточивого, Шабайкин сказал, что брал её читать в 1926 году у гражданина Рязановки Лопатинского района Павла Алексеевича (фамилию не помнил), которого в 1936 году арестовали.

В среде верующих Шабайкин прослыл «Божьим предсказателем старцем Гавриилой», который религиозные книги, прежде всего Евангелие, истолковывал в антисоветском духе, чему он научился у своего идейного наставника – дяди своей матери Терентия Верхова, скончавшегося в 1928 году.

Фамилии лиц, среди которых и с кем он проводил антисоветскую агитацию, Шабайкин отказался называть, так как решил нести ответственность один. Он заявил следователю: «Я предателем быть не могу, а кому надо выявлять этих людей, они пусть ищут их сами».

Следователь: «Органам советской власти вы обязаны рассказать всю правду как о своей контрреволюционной деятельности, так и о других лицах, которые её проводили вместе с вами. Ваши соучастники выявлены, и скрыть их вам от следствия не удастся».

Шабайкин: «Советской власти я не признаю и ей ничего рассказывать не буду, это власть Антихриста, и хотя бы советские органы выявили кого из моих знакомых, но о них я ничего показывать не буду».

Однако одного из них – Прокопия Петровича Самойлова из села Бегучи Камешкирского района – Шабайкин на первом допросе уже назвал как единственного своего хорошего знакомого, и это стоило тому, по сути, жизни. Будучи арестованным, Самойлов признался, что в разговоре

с Шабайкиным они оба высказывались против колхозов, и тому больше ничего не оставалось, как тоже это признать, уточнив, что эти разговоры они вели с самой их первой встречи в 1935 году. Других лиц, с которыми встречался, Шабайкин категорически отказался называть.

Это происходило 17 января, а 19-го Шабайкин говорит: «После долгих заперательств я решил выдать следствию всех лиц, которые посещали меня и с которыми я связан был общностью наших антисоветских взглядов и проводимой нами работы против советской власти. Я уже показывал, что мой дом был местом сходбищ странников, то есть бродячего люда из лиц религиозно и антисоветски настроенных».

Далее он перечисляет: Фёдор, фамилию не знает, из села Верхнего Аблязово Кузнецкого района (Косолапов Фёдор Иванович), религиозный фанатик, настроен злобно по отношению к советской власти; странница Верочка, фамилию и откуда она тоже не знает; Яков из села Старого Чирчима, арестованный в 1938 году, фамилию и отчество не знает; Марья, вдова, из того же села, фамилию и отчества не знает; в селе Шняево единомышленником, враждебно настроенным к советской власти, был Кирилл Архипович Бояркин, арестованный органами НКВД в 1938 году, от него он только и получал руководящие указания. Вроде и много наговорил, а никого, по сути, не выдал – все и так уж арестованы, а «Марья вдова» – их столько, пойдика, сыщи.

Перечисленных следователем на следующем допросе лиц Шабайкин сказал, что не знает, кроме как Ивана Илларионовича Шнаева, которого как «слепого Ивана» первый раз встретил в Ульяновской церкви, но никаких разговоров с ним не вёл, а только поздоровался. На попытку следователя поймать Шабайкина на слове: «Как же можно здороваться с человеком, которого вы не знаете?» – ответил: «У меня в привычке здороваться со всеми верующими в церкви».

С тем, что следствие считает Шабайкина руководителем контрреволюционной группы церковников, он с готовностью согласился. На предложение назвать участников своей группы называет уже арестованных Прокопия Петровича Самойлова и Фёдора из Верхнего Аблязова (Косолапова), которых уже видел в тюрьме; странницу Веру и Александра из с. Пестровка Камешкирского района, религиозников-фанатиков Марию и Якова из Чирчима, фамилий которых также не знает. Судя по всему, он просто играл со следователем в поддавки.

Как поясняет Шабайкин следователю, он «написал своё Евангелие сознательно в извращённом контрреволюционном духе», чтобы вести борьбу с коммунистическим учением о социализме, которое Шабайкин называет учением Антихриста. При помощи Евангелия он внедрял в со-

знание верующих необходимость борьбы против советской власти и коммунистической партии. А странники по его указаниям ходили по сёлам и вели антисоветскую агитацию против существующего строя в СССР.

Вопрос следователя: «Какую вы думали установить власть в СССР?».

Ответ: «Мы думали установить власть Христову для того, чтобы обеспечить себе Царствие Небесное».

Вопрос: «Вы уклоняетесь от прямого ответа на поставленный вам вопрос. Следствие ещё раз предлагает вам сделать показание – за установление какой власти в СССР вы боролись?»

Шабайкин повторяет, что боролся за установление власти Христа. Следователь просто не понимает, что они живут в разных измерениях и говорят на разных языках, но формулирует его программу так, чтобы она вписывалась в «профиль» их контрреволюционной организации: «Следствие располагает достоверными данными о том, что вы вели борьбу за установление в СССР монархической власти. Подтверждаете вы это?»

Ответ: «Нет, я этого не подтверждаю. Кроме власти Христа, мне никакой другой не нужно».

Получив от Шабайкина ещё ряд ответов на свои вопросы в том же духе, следователь делает вывод: «Такие ваши ответы характеризуют вас как заклятого врага советской власти». На что обвиняемый отвечал: «Я Божий раб и этого не отрицаю».

Снова вопрос: «От кого вы получали установки для контрреволюционной работы?»

Ответ: «От Господа Бога. Он дал мне мудрость на это дело».

Вопрос: «Будете вы выдавать следствию своих соучастников?»

Ответ: «Нет, не буду».

13 апреля 1940 года апофеозом всех его ответов, каждый из которых однозначно гарантировал ему высшую меру наказания, является следующий: «Я пришёл сюда на допрос не повиноваться, а сопротивляться и вести борьбу с антихристовой властью. Насколько сильно я люблю Господа Бога, настолько сильно я ненавижу советскую власть. Поэтому своих соучастников, кроме тех, кого я назвал, выдавать не буду. И этих-то я назвал следствию потому только – знал, что они уже арестованы».

– Вы продолжаете и на следствии высказывать свои контрреволюционные взгляды. Я вам это делать запрещаю.

– Я повторяю, что пришёл сюда не повиноваться, а бороться со властью Антихриста, и несмотря ни на какие запрещения, от этого я не отступлю. Я следствию заявляю, что на небе есть: Бог Саваоф, Бог Иисус Христос и Бог Дух Святой, а на земле: зверь, красный дракон и лжепророк.

Вопрос: «Что это значит: зверь, красный дракон и лжепророк?»

Ответ: «Это значит вот что: зверь – это сельский совет, красный дракон – Красная армия и лжепророк – это колхоз. Сельский совет не даёт жизни верующим, в Красной армии одни безбожники, а в колхозе обманывают крестьян». Этот допрос продолжался с 22 часов до 3 часов утра.

Как и следовало ожидать, Гавриила Михайловича Шабайкина приговорили к высшей мере наказания, определив его одним из четырёх руководителей организации. Кассационную жалобу он подавать отказался, так как считал, что расстрел является лучшим способом войти в Царствие Божие как пострадавшему за веру Христову. Тем не менее, адвокат посчитал своим долгом всё-таки подать жалобу, однако вынесенный Шабайкину приговор был оставлен в силе.

На одном из допросов на предупреждение следователя, что такое его поведение на следствии отягчает его ответственность, он ответил: «Никакая ответственность меня не страшит, надеюсь на Бога, Он мне поможет, а советской власти никогда не покорюсь».

И действительно, 2 сентября 1940 года в 15 часов Шабайкин Гавриила Михайлович скончался от декомпенсированного миокардита. Господь Сам распорядился его жизнью, не дожидаясь палачей.

Он показал себя среди арестованных по делу № 102 самым стойким и последовательным противником советской власти, стоящим на позициях непоколебимой веры в Господа нашего Иисуса Христа, достойным причисления к лику святых.

Самойлов Прокофий Петрович родился в 1899 году в селе Бегучи Камешкирского района, из крестьян-середняков, без определённых занятий. Арестован 4 января 1940 года Кузнецким городским отделением НКВД после первого допроса Шабайкина, который назвал его имя как единственного близкого ему знакомого. Был допрошен 3 раза. Виновным себя ни в чём не признал. Неясно, какую конкретную роль ему хотело отвести следствие в контрреволюционной церковно-монархической организации, активным членом которой, проводившим антисоветскую агитацию с использованием религиозных предрассудков, он был определён.

П. П. Самойлов 13 мая 1940 года скончался в тюремной больнице тюрьмы № 2 г. Кузнецка. В связи с этим материалы в отношении его из дела № 102 были выделены и сданы в архив спецотдела УНКВД по Пензенской области.

Еманова Анна Ивановна, имя которой промелькнуло в ходе допроса Понякшевой, была взята следователем на заметку и 13 января 1940 года задержана. Родилась она в 1901 году в деревне Вязовке Николаевского

района Пензенской области. До смерти своего отца, умершего в 1933 году, находилась на его иждивении. В 1932 году за невыполнение государственных обязательств у них были отобраны лошадь, корова и мелкий скот, остались только дом и коза. После этого она стала ходить по сёлам, собирать подаяние и продавать крестики. В колхоз отказалась вступить по религиозным соображениям.

В 1933 году в качестве послушницы жила 5 месяцев у болящего Ефимушки (Сюлаева) в Давыдовке Барановского района и около месяца в 1936 или 1937 году в Волдачах Николаевского района, а в декабре 1939 года, накануне выборов, ночевала три ночи в его доме. Бывала также у болящего Алексея (Дияжева) в Бекшанке Барышского района. В постановлении на арест от 13 января 1940 года её и записали как «связистку»: «Ведя бродячий образ жизни, являясь без определённых занятий, поддерживала тесную связь с организаторами контрреволюционной работы в Николаевском районе «святым» Сюлаевым Ефимом и Барышинском районе «болящим» Дияжевым Алексеем, от которых носила письма с антисоветским содержанием, и у них была связисткой». «Кроме того, ведя бродячий образ жизни, ходя по сёлам Николаевского района, по установке контрреволюционных организаторов Ефимушки и Алёши вела антисоветскую агитацию против выборов в местные советы и колхозного строя и распространяла контрреволюционную клевету в отношении советской власти и колхозного строя».

Окончательное обвинение: «Являясь участницей церковно-монархической контрреволюционной организации – послушницей Сюлаева, ходила по сёлам и, используя религиозные убеждения населения, активно проводила контрреволюционную агитацию против выборов, распростра-

няла клевету на колхозы и советскую власть». За это получила 10 лет лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовом лагере, с конфискацией имущества и поражением в избирательных правах на 5 лет. Наказание отбывала в Абанском районе Красноярского края.

Президиумом Верховного суда РСФСР 26 ноября 1955 года приговор Пензенского областного суда от 22–30 июля 1940 года был отменён и дело производством прекращено за недоказанностью обвинения.

Хохлова Евдокия Гавриловна («Дуня-святая») получила такой же срок. Да и функции ей как «связистке» были определены такие же: «Активно проводила контрреволюционную агитацию среди населения, используя религиозный фанатизм отсталой части населения, распространяла провокационные слухи о жизни в стране и скорой гибели советской власти, передавала своим соучастникам установки от Дияжева и о методах борьбы с советской властью».

Родилась она в 1886 году в семье мещанина г. Вязьмы Смоленской губернии. С 1908 года, то есть с самого основания, работала сестрой в духовном приюте «Новоспасская церковная сельская община во имя Христа Спасителя» в с. Новоспаске Симбирской губернии, закрытом в 1919 году, а также была певчей в общинской церкви.

Хотела стать монахиней, но установление советской власти помешало ей это сделать. С 1922 года стала ходить по городам и сёлам просить подаяние. Была в городах Вязьме, Смоленске, Сызрани, Куйбышеве, Москве, Уфе, Кузнецке и в сёлах Старая Бекшанка Барышского района, Канадей Николаевского района, Шереметьевка (ныне Свирино), Голодяевка и Новоспасское Новоспасского района и др.

25 января 1940 года она выехала на поезде из г. Куйбышева, доехала до станции Арепьевка, отсюда пошла на разъезд Голодяевка, села в поезд и на рассвете 27 января приехала в г. Кузнецк. Сходила церковь, потом пошла на базар и по пути была задержана. Допрошена 13 раз. Вначале уклонялась от прямых ответов на вопросы о своих связях, затем стала давать откровенные показания о своих антисоветских разговорах.

О чём могут говорить между собой верующие люди, видя закрывающиеся церкви и вынужденные для удовлетворения своих религиозных потребностей добираться за много десятков километров до ещё не закрытых храмов? Понятное дело, что они будут выражать своё недовольство и, естественно, считать виновной в таком положении советскую власть, которая однозначно расценит такие разговоры как антисоветские, а решение верующих сплотиться между собой для борьбы за сохранение и открытие церковью определит как действия по формированию контрреволюционной организации.

Возможно, Хохлова перед тем, как давать правдивые показания, смогла договориться со своими знакомыми, проходившими по одному с ней делу, поскольку на очных ставках спокойно подтверждала содержание бывших между ними разговоров. Однако несколько названных Хохловой лиц впоследствии были арестованы, в частности Анна Алексеевна Головинова и Февронья Ермолаевна Семёнова. А в отношении названных во время допросов лиц, проживающих в Куйбышевской области, а именно Данила Даниловича Дудченко, Якова Ивановича Зайцева (с. Новоспасск), Сергея Ивановича Пересыпкина, Лукьяна Матвеевича Нестерова (с. Томылово), Николая Семёновича Соловьёва (г. Сызрань), схимонаха Фёдора Филипповича (д. Ореховка) и жены арестованного священника Вознесенской церкви г. Кузнецка Прасковьи Николаевны Колосовой, следственный материал 4 мая 1940 года из дела № 102 был выделен в особое производство для направления по территориальности для дальнейшего расследования и привлечения к уголовной ответственности.

Из «Книги памяти жертв политических репрессий» (Ульяновск, 1996) известно, что Данил Данилович Дудченко, 1904 года рождения, уроженец Курской области, житель с. Новоспасское Новоспасского района, экспедитор зерносовхоза, 20 мая 1942 года особым совещанием при НКВД СИР по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР был незаконно лишен свободы сроком на 8 лет. Сведений о дальнейшей его судьбе нет. 21 декабря 1956 года он был полностью реабилитирован.

После ареста Дияжева Евдокия Гавриловна Хохлова 10 февраля изменила свои прежние показания в отношении его, признав, что действительно является участницей контрреволюционной церковно-монар-

хической организации, в которую была вовлечена болящим Алёшей (Ди-
яжевым).

Из её рассказа о знакомстве с женой священника Александра Евге-
ньевича Тихомирова, расстрелянного в 1938 году и включённого в кни-
гу «Праведный верою жив будет» (П., 2014, с. 458), выясняется важный
факт его биографии – что он служил священником в Покровской церкви
посёлка Канадей Николаевского района Ульяновской области. А в отно-
шении монахини Евлалии (Евдокии Петровны Тюряковой) – что она была
певчей в Вознесенской церкви г. Кузнецка и церкви села Ульяновка Куз-
нецкого района.

Тюрякова проходила по делу № 10497-п и 3 января 1937 года за ре-
лигиозную деятельность была приговорена к 5 годам лишения свободы.
Однако факт знакомства Хохловой с ней с 1938 года свидетельствует о
том, что в это время Тюрякова была на свободе.

Дубаева Наталия Ефимовна родилась в 1905 году в селе Болдасье-
во Барановского (ныне Николаевского) района Ульяновской области. Без
определённых занятий (собирала милостыню) и определённого места жи-
тельства. Потеряла зрение. В 1932 году прожила год в селе Давыдовке
Барановского района у М. Е. Пивцаевой, а потом вместе с ней до 1934
года – в селе Сунгур Новоспасского района у Т. Л. Сыровой. С 1936 года
стала нищенствовать. Последнее время жила в селе Ульяновке у разных
людей.

Задержана 24 января 1940 года в
Болдасьево на основе показаний Сюла-
ева как его связистка. При обыске у неё
нашли две церковные листовки со сти-
хами и толкованиями, которые, по её
словам, дала ей в Ульяновской церкви
Мария, выдающая себя за царевну (Пив-
цаева), а также запись поминания за
здравие священников Дмитрия, Григо-
рия, болящих Алексея, Ефима, Елены и
других, которые приобщили к заведён-
ному на неё следственному делу «как
уличающие документы в проведении
Дубаевой антисоветской деятельности».

Уже 25 января в постановлении на
арест она определена «участницей анти-
советской группы церковников, в кото-

рую совместно с ней входили ныне арестованные Абакумова, Щербакова, Понякшева, Сюлаев («болящий Ефимушка») и другие. По совместной антисоветской деятельности Дубаева была тесно связана с Сюлаевым и Щербаковой. Проживая без определённых занятий, по поручению Сюлаева и других распространяла среди сельского населения церковные стихи и разного рода толкования, изложенные на бумаге, которые по своему содержанию носят антисоветский характер».

Какая уж тут презумпция невинности, когда ей уже заранее вынесено обвинение, которое только остаётся подтвердить «чистосердечным» признанием.

Вынесенное в тот же день постановление об избрании ей меры пресечения в виде содержания в Кузнецкой следственной тюрьме было ей объявлено только 3 февраля.

Причислив Дубаеву к антисоветской организации, следствие стало отрабатывать её связи. Из показаний Сюлаева было известно, что она приносила ему посылку от Щербаковой. На этом основании её определили на роль связной между ними. О своей деятельности Дубаева рассказала, что, будучи странницей, ходила по сёлам, а где останавливалась на ночлег, выражала недовольство на современную жизнь и одновременно «высказывала мысль за веру в Бога и сохранение религии» таким образом: «Сейчас жизнь людей плохая и с каждым днём всё хужеет, люди забыли Бога, а во власти сейчас все безбожники, поэтому у нас ничего хорошего не будет». В этом она, согласно следствию, выполняла установку Сюлаева.

9 апреля 1940 года её ознакомили с обвинением, в котором говорится: «Среди населения проводила антисоветскую агитацию, используя при

этом религиозные предрассудки». В чём она и созналась, получив за это свои 10 лет.

28 января 1940 года был подвергнут аресту третий руководитель мифической контрреволюционной организации – **Алексей Гурьянович Дияжев**, или «болящий Алёша».

Родился он в 1889 году в селе Старая Бекшанка Барышского района Куйбышевской области. «Являясь одним из руководителей контрреволюционной церковно-монархической организации, вёл активную антисоветскую работу по подготовке контрреволюционных кадров, обрабатывая церковный элемент и направляя его на путь борьбы против советской власти используя при этом его религиозный фанатизм», – так написано в обвинительном заключении.

Глядя на его фотографию – эдакого «неустрасимого борца с советской властью», – невольно думаешь: что за трагикомедия здесь разыгрывается следствием? Они что там, в своём уме? Или совсем рехнулись от своих жестокостей? Больные, убогие, слепые, парализованные – и это контрреволюционная организация?! Или же в советское правосудие проникла доктрина евгеники – учения, направленного на борьбу с вырождениями в человеческом генофонде, взятого на вооружение нацистской Германией? А может, эти страшные приговоры – расстрел, 10 лет – просто низкая, мстительная реакция обвинителей на испытанный ими психологический дискомфорт, душевный разлад – от непонимания того, как могут эти больные, неграмотные, ничего в жизни не имеющие люди, кроме своей веры в какого-то там Бога, противопоставить себя советской системе?

А они, эти церковники, только и видевшие от советской власти оскорбления и страдания, никому себя и не противопоставляли, они только искали утешения и находили его в церкви, в жалобах друг другу и в просьбах, обращённых к Богу и вот к таким, как «болящий Алёша», убогим людям, молитвы которых, как им думалось, быстрее дойдут до Бога, чем от них, грешных.

Они писали своим полуграмотным языком к нему вот какие письма, которые были приобщены к следственному делу Алексея Дияжева как свидетельство его антисоветских связей и исходящих от него руководящих контрреволюционных установок.

«Мир вам и благодать дорогой духовный братец Алексей Гурьянович шлем вам все общий сердечный привет духовные сестры Надя Саня Соня и наши девочки спочтением квам и спожеланием вам от Господа душевнаго спасения и телеснаго здравья и скорых успехов в делах ваших, Предорогой братиц Алексей Гурьянович как вы поживаете в настоящее время осени и как ваше драгоценнейшее здоровьице, предорогой братиц простите миня Христа ради что я вам так долго не давала ответу на ваше письмо я очень соскучилась о вас и хочется побывать в вашей келийки светлички только не могу притти в холодное время, даже вижу вас часто во сне, однажды видила что я вам собиралась послать хорошенький спелый яблочек, второй раз видила будто вы были в церкви и одеты вполкафтанье как священник и в добром здравии стояли круг налою среди церкви с правой стороны и я подошла прикладываться к образам а вы будто мне сказали прикладывайся надя вперед ко Спасителю а потом ко владычице а еще пять ликов позабыла какие. и девочки наши все видют вас во сне. карточку вашу я вставила в хорошую рамку и повесила на стенки и кажний день как благословлюсь и поздравляю своего дорого гостя с добрым утром. Еще шлют привет Дуня Клавдя и Маша спожеланием вам от Господа Душевнаго спасения и телеснаго здравия и благодати и скорых успехов в делах ваших. Предорогой братиц целую вашу болящую головушку рученьки и ноженьки помолитесь о нас грешных пишите ответ поскорее жду ответ с нетерпением. Из ваших предорогих рученькав ваши добрые пожелании большее утешение для нас. Предорогой братиц шлю я вам небольшой гостинчик 3 рубли и прошу вашей святой молитвы
22 октября Анисимова Надежда».

«Предорогой братиц Алексей Гурьянович шлем мы вам привет ваши духовные сёстры Надя Саня Соня и наши девочки с почтением к вам и с пожеланием вам от Господа Бога добраго здравья и благодати Божией,

сообщаем братиц что письмо мы ваша получили 15 го января которому были очень рады и за которое вас много премного благодарим, еще благодарим вас братиц и пред Господом Богом за ваша доброе и милостивое пожелание для нас, спаси вас Господи сохрани и помилуй от всякаго врага дай вам Господи спасени душиньки вашей а телу вашему доброе здравья, и мы вас предорогой братиц просим и вы обнас помолитесь об грешных в нашей суетной жизни чтоб мы немного проснулись так чтобы нам не забывать пред Господом Богом друг друга, дорогой братиц Алексей Гуриянович можит быть вы слышали в церкви есть служба или нет, нашему отцу в первых числа февраля исполнится полгода как он помир нам хотелось бы сходить в церковь а слух есть что службы нет там, братиц мне ещо хочится узнать жив ли Васинька болящий Головцевский может быть будити ему письмо писать если возможно и от миня почтение напишити спожеланием от Господа всего хорошиго и дуни привет, я бы и сама письмо им написала но адресу не знаю затем досвиданья дорогой духовный братец Алексей Гуриянович будьте живы и здоровы по милости Божьей. Пишите ответ

Анисимова надя».

«Высокоуважаемый Братец Алексей

Простите, что редко приходится писать Вам о жизни, так как с делами по службе закружился. Сейчас как будто ввиду сырости народу меньше, а все же совершенно нет свободного времени и я никак не вырвусь лично повидаться и исполнить Ваше желание, т. к. представители церковного совета препятствуют, да еще у меня лично небольшое дело мазоль, а пустится с ней идти трудно, но все же я не оставляю надежды, что Бог поможет вырвусь и мы увидимся и побеседуем. Посылаем Вам небольшой подарочек, а если в чем нуждаетесь то передайте, и мы с Анной Федоровной постараемся все возможное устроить. Пришлите нам свое благословение и молитвы на предстоящее серьезное время и свое мнение, так как вы знаете насколько я высоко уважаю и ценю ваше мудрое, основанное на страданиях и молитвах ко Господу руководство людей близких по духу и вере. Пожалуйста напишите подробно, так как я и сам по Вашему совету все передаю через сестрицу. Враги мои пока оставляют в покое по Вашим молитвам дела идут благополучно и хотя и бывают скорби, но незначительные: без них же нельзя, т. к. иначе мы забудемся. Но от детей пока слуху нет, но я надеюсь на помощь Божию. Вы же помолитесь за нас, т. к. суета иногда заставляет спешить, иной раз от усталости пожалуй и не все исполнишь. Словом вы знаете и понимаете меня, и увидеться мы должны и лучше сами укажите время, когда это

будет лучше исполнить. У меня сейчас живет одна страдающая дочь приемная друга батюшки пришлите ей утешение и совет (сестра Евфросиния). Матушка моя шлет вам привет и добрых христианских пожелания. Она по моим словам и словам Анны Федоровны очень и очень уважает Вас и благодарит за утешение о детях». Письмо это написано, видимо, священником.

«1938 г. 2-го января. Здравствуйте!

Многоуважаемый Добродетель Болящих Брат Алексей Гурьянович.

Письмо от Ваших незабываемых Брательника Константина Дмитриевича и Сестре Екатерине Андреевне. Спешим Вас брат Алеша уведомить об своем здравии живы и здоровы слава Богу. Низенько вам брат кланяемся от белаго лица до сырой земли и желаем от Всевышняго Создателя Господа Бога полного доброго здравия. Проздравляет тебя Брат Алеша С Праздником С Рождеством Христовым. Извещаем тебя брат Алеша Писма от тебя получаем хорошо сердечно Вас Благодарствуем Живем мы пока слава Богу, погода у нас снег выпал немного и стало морозно как в России но при восходе солнца середь дня тепло и снег начинает таять а к вечеру опять подмораживает, живем на чужой стороне приходят и проходят Праздники неслышам Духовного Гласа грустно и уныло бывает на душе и думаем живы будем к пасхе приехать домой понаведовать Ваш брат Константин».

«Добрейший брат Алеша пропиши сколько недель мясоеда и какого числа пасха мы здесь незнаем как в темном лесу выхода на свет. Пишу тебе еще на щот продуктов все дорого мясо кило 12 р. картофель кило 2 р. и то не самая капуста кило 2-50 к. лук кило 1-50 к. рыба сухая воблешка кило 4 р. молоко литра 2р. 1-50 к. масло хлопковое литра 16 р. скоромное 22 р. урюк кило 2 р. и 1-50 к. кишмиш 3 р. 4 р. кило из мануфактуры очень плохо при станции бывает но мало в кишлаках в поселках есть и много но далеко редкия ходят но наши по ихному по узбецки говорить с ними немогут. Пока писать особаго нечего все живы и здоровы. Досвидания.

Ваш брат Константин и Екатерина».

Записка: «Сей путь наш жизнь наша а колючий хворость. Это самая тяжелья грехи наши ещо когда я был здоровым то выбиралъ самый легкий крест и хотел хорошо и легко пожить. Это мое желания Богу негодно было а Господь далъ мне самый тяжелый крестъ болезни и велель с терпением нести его и Бога благодарить за такую душевную благодать надо радоваться и веселиться яко мзда наша много на небеси».

«Здраствуйте премного чтимый Алексей Гурианович целую вашу руку и желаю добраго здравія. Прежде всего прошу васъ простите миня что я васъ забыла нетъ я васъ низабыла и низабуду я скружилась сдети горями однаго встричаю друга проважаю и кругомъ маленькія дети всех нада наведить и обогреть а все на дальней стороне а к вамъ все собираюсь но уже д тепла если будемъ живы. Я живу теперь очень плохо Петю осудили Саша служеть а Воля еще малъ самъ кой какъ скитається в чужихъ людяхъ. Итакъ прошу васъ молитвника Божия помолитесь Господу за меня великаю грешницу и за отрока Владимира где нибуть бы насъ господь приютить в адномъ гнездошки ато боюсь какъ бы онъ спуги нисашоль нынче скоро можно прошу со слізами помолитесь а я завасъ сколько могу вы у меня записаны въ поминовение с радной семьей сдесь служба во что Господь почтетъ я хожу в божий храмъ и все мое утешенія. Теперь да пріятанаго свиданія Алексей Гурианович еще разъ целую вашу руку и желаю быть здоровымъ я шлю вамъ чайку сколько могу и прошу васъ ответти намое писмецо хотя словъ 5 ток оне для меня очень дорого стоят извесная вамъ Анна Васильевна Шишкова

Адрись Павловка на мельницу Алексею Ивановичу Арістову

Премного уважаемый Алексей Г. шлю вам привет и хорошее пожелания письмо ваша получили слышила но я у них не был а мне еще не передавали записку Алексей Гур.».

О чём все эти письма? Да, по сути, ни о чём. Так, пустяки какие-то. Но как много для людей значит доброе и ласковое слово от близкого по духу человека – это тебе не палочка бездушная в колхозе.

При аресте у Дияжева была изъята переписка на 63 полулистах, но к делу приобщили только 23, остальные письма были сожжены как не представляющие интереса для следствия.

В постановлении на арест от 28 января 1940 года о нём сказано следующее: «Дияжев Алексей Гурьянович, будучи враждебно настроен по отношению ВКП(б) и советской власти, на протяжении ряда лет проводил антисоветскую борьбу против советской власти. Являлся участником контрреволюционной церковно-монархической организации «Союз Христовых воинов». Выдавал себя за «прозорливого» юривого в целях привлечения к себе паломничества из среды отсталой части населения, среди которых проводил антисоветскую агитацию, религиозную литературу истолковывал против ВКП(б) и советской власти и, действуя на религиозные чувства церковников, обрабатывал их в контрреволюционном духе. Распространял провокационные клеветнические толки по отношению колхозов, организовывал противодействие выборов в Советы депу-

татов трудящихся. В этих целях использовал сеть связистов из бродячего церковного контрреволюционного элемента. Через этих же лиц организационно был связан с другими участниками контрреволюционной организации – Маловым, Щербаковой, Сюлаевым и другими.

86-летний Малов, арестованный в тот же день, что и Дияжев, должен был придать нужный вес заявлению следователя о связи Дияжева с «Союзом Христовых воинов».

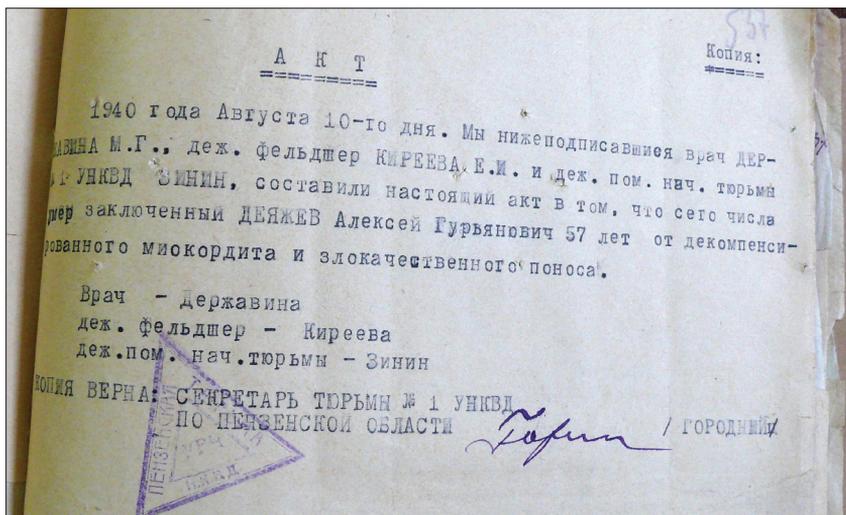
Мерой пресечения способов уклониться от следствия и суда Дияжеву было избрано содержание в Кузнецкой тюрьме НКВД № 2. Перед судом он, как и другие обвиняемые, находился во внутренней тюрьме НКВД г. Пензы. В ходе следствия был допрошен 12 раз. С протоколами его, к сожалению, ознакомиться не удалось.

Был приговорён к высшей мере наказания – расстрелу. От подачи кассационной жалобы отказался, считая, что расстрел – лучший способ войти в Царствие Божие как пострадавшему за веру Христову. По своей инициативе адвокат всё же подал жалобу в отношении Дияжева о смягчении ему меры наказания, мотивируя тем, что «Дияжев – человек, который в течение 40 лет из-за сухости ног не может подниматься без посторонней помощи. На судебное заседание первоначально доставлен не был по болезненному состоянию; после повторного требования суда был доставлен на носилках; все 7 дней процесса лежал в полудремотном состоянии с закрытыми глазами; при допросе его никаких показаний не давал, ответил лишь, что «во всём признаёт себя виновным», но состояние его и характер ответов свидетельствуют, что вряд ли он что-либо понимает и что отвечал. Из пришедших свидетелей ни один не показал, чтобы он слышал что-либо от Дияжева. Из обвиняемых Хохлова и Косолапов показали, что имели с ним разговор на религиозную тему. По материалам предварительного следствия обвиняемый Малов давал показания, что он имел какую-то связь с Дияжевым; в начале заседания, когда выяснилось, что Малов по болезни не может быть на деле, мною было возбуждено ходатайство об отложении дела; ходатайство это было отклонено, и, таким образом, проверить на судебном следствии хотя бы единственным показанием виновность Дияжева не удалось. Что бесспорно можно считать установленным, это то, что Дияжев, мордвин по национальности, 40 лет лежащий в постели, слыл в округе «за болящего» и что к нему приходили разные лица, а также что он религиозный фанатик, встретивший приговор как избавление от тяжестей земной жизни».

Браво, адвокат Пензенской коллегии Николай Игнатьевич Гродковский! Своими словами Вы подчеркнули бесчеловечность советского правосудия, которое судит лежачий полутруп и приговаривает его к расстрелу.

Только Дияжев уже не узнал о результатах апелляции – через неделю после вынесения ему Пензенским областным судом приговора он скончался в тюрьме № 1 УНКВД города Пензы «от декомпенсированного микордита и злокачественного поноса».

Вы можете представить себе, что чувствовал все эти дни «болящий Алёша», если он, конечно, ещё что-либо мог чувствовать, лёжа пластом в истекающей из него зловонной жиже?

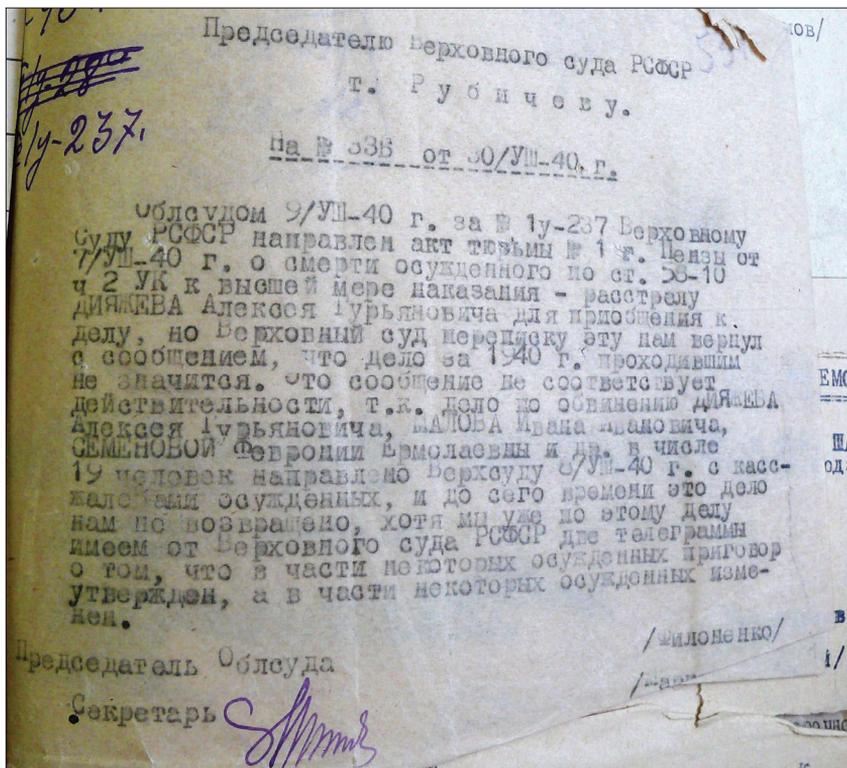

В акте о смерти Дияжева говорится, что он умер 10 августа 1940 года. Однако в письме от 30 августа 1940 года на имя председателя Верховного суда РСФСР Рубичева, подписанном председателем Пензенского областного суда Филоненко, говорится, что для приобщения к делу № 102, посланному вместе с кассационными жалобами осуждённых в Верховный суд, 9 августа был направлен ещё и акт тюрьмы № 1 г. Пензы от 7 августа 1940 года о смерти Дияжева Алексея Гурьяновича.

Несколько слов о председателе Верховного суда РСФСР Рубичеве, который утверждал решения местных судебных органов, вынесенные по сотням сфабрикованных по всей Российской Республике дел.

Рубичев А. Т.

Анатолий Тимофеевич Рубичев (1903–1973) родился в Рязани в семье рабочего, добровольцем вступил в Красную армию, участвовал в Гражданской войне. С 1928 года народный судья в Рязани, заочно учился в институте советского права, с 1937 года – председатель Рязанского областного суда, с 1939 по 1945 год – председатель Верховного суда РСФСР. Потом первый заместитель народного комиссара юстиции СССР, с 1946 по 1948 год – заместитель министра юстиции СССР, снят с поста с формулировкой «засиделся на работе». С 1948 по 1953 год – председатель Московского городского суда, затем назначен министром юстиции РСФСР, а с 1957 по 1962 год вновь занимал пост председателя Верховного суда РСФСР. Освобождён по состоянию здоровья. Награждён орденом Ленина (1945).²

А теперь биография председателя Пензенского областного суда Филоненко, оставшегося глухим к доводам защиты, слепым по отношению к шитому белыми нитками делу № 102 и равнодушным к судьбам этих да и многих других незаконно репрессированных людей.

Андрей Никанорович Филоненко (1905–1993) родился в селе Ольшанка Льговского района Курской области в крестьянской семье. С 14 лет работал переписчиком в народном суде, потом делопроизводителем и помощником секретаря, а с 1929 года назначен народным судьёй и следователем прокуратуры в селе Велико-Михайловское. Далее работал судьёй в городе Короча, ныне Белгородской области, в тамбовском городе Рассказове, с декабря 1937 года по март 1939 года являлся членом Тамбовского областного суда. А оттуда в 1939 году, с учреждением Пензенской области, был переведён в Пензу и стал

первым председателем Пензенского областного суда. Вот так, даже без юридического образования, 33-летнему судье доверили вершить судьбы осуждённых в нашей области людей.

В октябре 1943 года Филоненко был призван в Красную армию, где возглавил военные трибуналы 1-й резервной армии, 2-й гвардейской армии, 8-й воздушной армии. В 1949 году стал председателем военного трибунала 5-го корпуса противовоздушной обороны, в 1951 году – военного трибунала Уральского района противовоздушной обороны, в 1953 году – заместителем председателя военного трибунала Свердловского гарнизона. В 1957 году вышел на пенсию. Немного не дотянул до 90 лет.³

Вполне благополучная биография, прожил долгую жизнь и, может быть, даже не узнал, что такое понос.

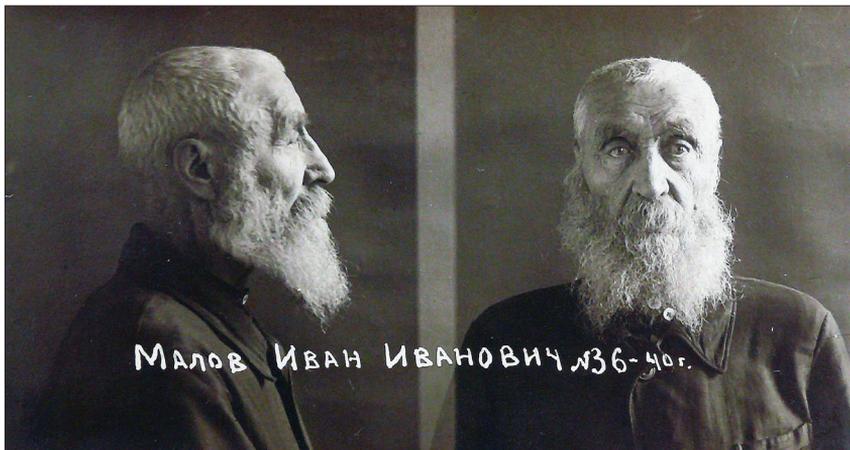
Наконец-то в этой хронологической последовательности арестованных по делу № 102 появляется главный руководитель контрреволюционной церковно-монархической организации 86-летний Иван Иванович Малов, задержанный в один день с Дияжевым.

С ним мы уже имели возможность познакомиться по делу «Союза Христовых воинов»⁴. В 1933 году он проходил как один из его руководителей, однако почему-то избежал наказания, хотя и не скрывал своего отношения к колхозам, заявляя, что это антихристова организация, в которую христианину вступать нельзя, а нужно с ней вести борьбу. И вот 86-летнего Малова вновь определили на роль главаря ещё одной выдуманной следствием контрреволюционной организации, связав её, таким образом, с «Союзом Христовых воинов».

Малов Иван Иванович родился 29 августа 1854 года в селе Красная Поляна (оно же Синодское) Сызранского уезда Симбирской губернии (на

момент ареста – Барышского района Куйбышевской области), где и прожил всю жизнь. Окончил начальное училище. С 1879 по 1885 год служил в царской армии в чине унтер-офицера. Был 10 лет волостным старшиной волостного правления села Тимошкино, а также церковным старостой в своём селе. Член Поместного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов от мирян Симбирской епархии, участвовал в 1–2 сессиях.

В «Анкете арестованного», заведённой на него 29 января 1940 года, говорится, что он являлся членом Государственной Думы, а в справке, выданной следствию из архивного отдела УНКВД по Московской области 25 марта 1940 года, — что он являлся членом IV Государственной Думы, участником Поместного Российского Собора и делегатом Учредительного собрания, избранным представителями этого собора.

Однако в списке членов всех четырёх Дум его нет. На самом деле он являлся выборщиком от крестьян кандидатов в Думу. В статье «К выборам в Учредительное собрание», напечатанной в «Известиях по Симбирской епархии», в № 6 за 1917 год, говорится, что на Симбирском избирательном епархиальном съезде, состоя-

вшемся 8–11 августа 1917 года, решено было выступить от православных приходов губернии как избирательного округа со своим списком в Учредительное собрание, и одним из кандидатов в него намечался «крестьянин Сызранского уезда Малов И. И., выборщик в 1, 2 и 3 Государственную Думу от крестьян; член Поместного Собора Всероссийской Православной Церкви; земледелец, низшего образования; внепартийный»⁵.

В книге «Провинциал в Великой Российской революции. Сборник документов. Симбирская губерния в январе 1917 – марте 1918 гг.» приведено изображение типографского оттиска «Избирательной записки № 11» Симбирского избирательного округа от православных приходов по Симбирской губернии⁶, на которой представлены шесть кандидатов: 1. Родзянко Михаил Владимирович, г. Москва, Епархиальный дом, Ляхов переулочек. 2. Тенишев Борис Александрович, г. Курмыш. 3. Зеленец Яков Алексеевич, г. Сызрань. 4. Малов Иван Иванович, г. Москва, Епархиальный дом, Ляхов переулочек. 5. Стрелков Василий Александрович, г. Симбирск. 6. Слесарев, он же Иванов, Пётр Матвеевич, с. Беклемишево Карсунского уезда. Московский адрес у Малова указан в связи с тем, что он в это время находился на Поместном Соборе.⁷

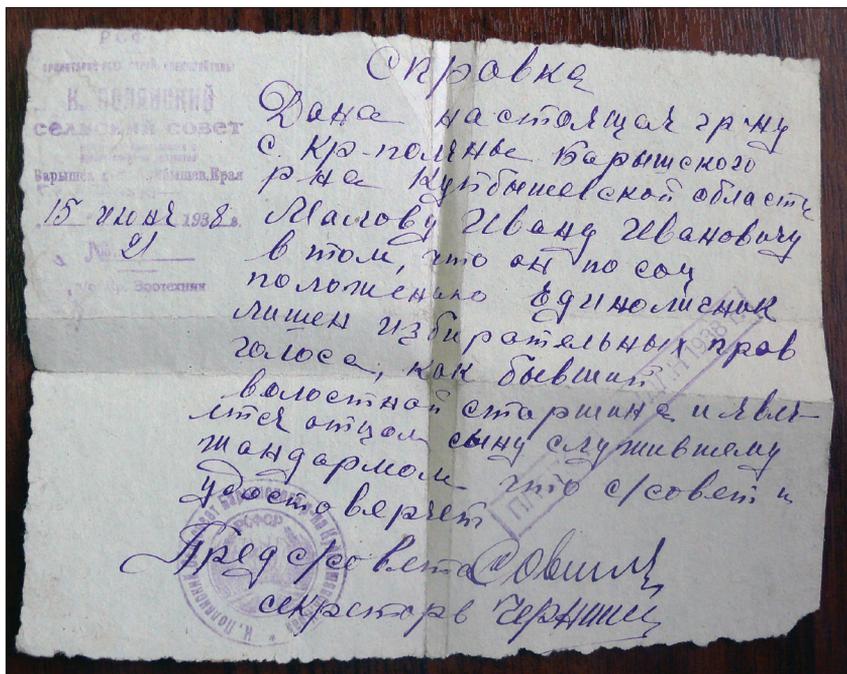
Лишен избирательных прав как кулак. Для характеристики его хозяйства, имевшегося у него до революции, воспользуемся протоколом его допроса 1933 года, когда он проходил по делу «Союза Христовых воинов»⁸:

2 лошади, 4 коровы, 5 овец, две свиньи; из сельскохозяйственных машин имел конную молотилку, сеялку, двухлемешный плуг, две бороны; держал одного постоянного работника и нанимал в сезон ещё трёх человек подёнщиков; земельного надела имел 25 десятин, в числе которого был отруб, арендованный у земельного крестьянского банка.

На 1929 год его имущественное положение характеризовалось следующим: дом, две лошади, две коровы, 5 овец и водяная мельница, которая в анкете арестованного 1940 года показана и за 1917 год.

В 1932 году Малов был арестован как один из руководителей «Союза Христовых воинов», который, являясь участником Поместного Всероссийского Собора 1917–1918 годов, якобы получил от патриарха Тихона инструкцию о развёртывании антисоветской работы по созданию контрреволюционной организации.

На самом деле, на встрече с патриархом, к которому в 1924 году он специально прибыл за указаниями, как вести себя по отношению к обновленчеству, он получил от патриарха Тихона такой ответ: «Все обновленческие и животоцерковные церкви находятся в ереси, и поэтому вы должны стоять на платформе старой церкви».

Эти указания Малов воспринял как директиву и повёл активную борьбу с обновленчеством «как с враждебным течением в Православии, подрывающим устои Русской старой церкви и ослабляющим религию».

В анкете арестованного и в постановлении на арест от 29 января 1940 года показано, что он в 1932 году был арестован, осуждён и отбыл 6 лет тюрьмы. Непонятно, на основании чего это написано. Можно предположить, что со слов самого арестованного. Но в деле № 102 имеется официальная справка, полученная 27 апреля 1940 года следственной частью УНКВД по Пензенской области из спецотдела УНКВД по Куйбышевской области, в которой говорится следующее: «Малов согласно постановления Особого совещания при НКВД СССР от 28.5.33 г. освобождён с зачётом предварительного заключения».

Напомним. Обвинительное заключение по делу «Союза Христовым воинов» было закончено 10 апреля 1933 года и 28 мая того же года рассмотрено Особым совещанием при Коллегии ОГПУ.

Малов Иван Иванович в числе 52-х арестованных (из 103-х человек, привлечённых к ответственности по делу «Союза Христовых воинов») был из-под стражи освобождён с зачётом в наказание срока предварительного заключения.

И вот новый арест, спустя шесть с лишним лет.

28 января 1940 года во время обыска у Малова были изъяты три религиозные книги «Предсказаний Божьего писания», шесть книжек поминаний, три групповые фотокарточки, запись девяти адресов, десять листков с записями за упокой, десять писем на его имя, пять конвертов с адресами и два ситцевых лоскута с изображением на них распятого Христа. Из них два поминания и два письма, полученные Маловым от своих родственников, приобщили к делу, остальное сожгли.

29 января датировано постановление о его задержании, где написано, что «в целях пресечения бегства от ареста и выявления личности и обстоятельств его контрреволюционной деятельности подвергнуть задержанию». Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда ему было избрано содержание под стражей в Кузнецкой тюрьме № 2.

Странно только, что в акте медицинского освидетельствования состояния Малова сообщается, что он с 22 октября 1939 года находится в тюремной больнице. Как же тогда в январе 1940 года происходило его задержание и обыск на квартире? Да и вообще, как он попал в тюремную больницу до ареста? И как его отпечатки пальцев, которые берутся в тюрьме в первый же день, как, например, у арестованного якобы вместе с ним Дияжева (29 января 1940 года), датированы у Малова 4-м апреля 1940 года?

История

Форма № 1

Фамилия Мамы Пол муж
 Имя Иван
 Отчество Иванович
 Год рождения 1854 Место рождения Кресный шлях Вавицкого р-на
Курбисовский аба

Правая рука

1. Большой	2. Указательный	3. Средний	4. Безымянный	5. Мизинец
16	16	8	8	1

Линия перегиба 16

Левая рука

6. Большой	7. Указательный	8. Средний	9. Безымянный	10. Мизинец
1	2	2	1	1

Линия перегиба 2

Контрольный оттиск

Левой рукой 	Правой рукой
-----------------	------------------

Карта заполнена 7 Август 1910 г. в Вавицком

Карта составлена Мамы Иван Иванович (должность и подпись)

Проверил Мамы Иван Иванович (должность и подпись)

Подпись зарегистрированного Мамы Иван Иванович

В карте должны быть четко заполнены:
 1) Фамилия, имя, отчество, установочные данные регистрируемого и его подпись. 2) Когда, где и в каком аппарате НКВД кем карта составлена и кем проверена. 3) В квадратных каждый палец прокатать на своем месте полностью и ясно. 4) В контрольных оттисках левой и правой руки сделать оттиски 4-х пальцев каждой руки без большого.

Г. им. Воровского.

Следует предположить, что и акт медицинского заключения грешит неточностями, как и другие документы в следственном деле, о чём мы уже имели возможность убедиться.

9 февраля 1940 года Малову предъявили обвинение. Допрошен он был 8 раз, но с протоколами его допроса познакомиться не удалось, как и с другими, находящимся в неисследованном 2-м томе дела. Жаль, там могли быть дополнительные сведения из его биографии. Они для нас важны, поскольку Иван Иванович Малов является не просто членом Поместного Собора. Он неотлучно находился при ковчежце со жребиями кандидатов на избрание патриарха, которыми были митрополит Московский и Коломенский Тихон и архиепископы Харьковский Антоний и Новгородский Арсений. И его подпись (в числе семи подписей) стоит под Актом от 5 ноября 1917 года об избрании патриарха («о вынуждении жребия при избрании Всероссийского Патриарха»), которым стал митрополит Тихон⁹.

До настоящего времени в справочной информации даже дата рождения Малова – «около 1859 года», «1859/1859» – приводилась неверной, а дата смерти неопределённой – «не позднее 1929», «дальнейшая судьба неизвестна». Теперь этот недостаток будет исправлен.

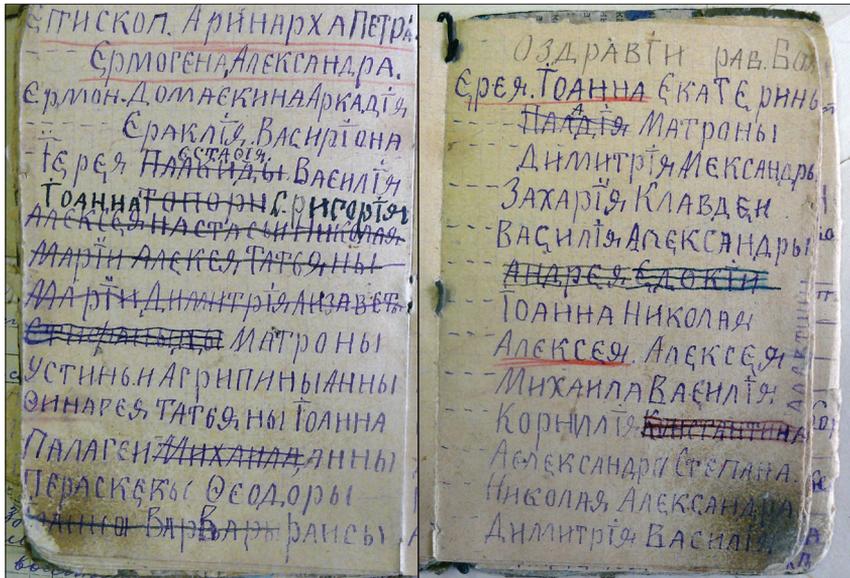
Что нам ещё известно о Малове? Жена его Мария Ивановна умерла в 1923 году. Один из сыновей, Иван, в 1931–1932 гг. был сослан как бывший жандарм, на 1939 год проживал в Бурятии, в Баунтовском эвенкийском районе, который по своим климатическим показателям приравнивается к районам Крайнего Севера, работал на золотодобывающем прииске Уаким.

В письме 1939 года к Малову от его внучки Людмилы, дочери сосланного сына Ивана, такие грустные строки: «Ох! Как бы посмотрела я на вас на всех и соскучилась, не знаю, как вам выразить, видно, и не увидимся мы с вами никогда. Жизнь наша проходит здесь даром, вы хоть в своём родном селе, а мы среди гор, озёр, рек, и вот наше всё раздолье – всё чужое, не видать нам родных полей, лесов. Ох! Как тяжело на чужой стороне умирать, видно, так и придётся».

В них, что ли, углядело следствие антисоветское содержание, как будто уже и стон антисоветским бывает? Или же приобщили письмо к делу из-за адреса, который и в помяннике Малова записан.

Кстати, о помяннике, также приобщённом к делу в качестве вещественного доказательства. Может быть, и среди имён, записанных для поминания о здравии, хотели какие-то связи отыскать – уж больно там много иереев записано, даже и епископы встречаются.

В обвинительном заключении 1940 года о Малове говорится: «Освободившись из-под стражи и оставаясь на враждебных позициях по отно-

шению к советской власти, Малов возобновил свою антисоветскую работу и вновь приступил к сколачиванию контрреволюционной организации, вовлекая в её ряды кулацких, церковно-бродячих, монашествующий элемент и духовенство. Воспользовавшись распространившимся слухом среди отсталой части населения об «Алёше болящем» (Дияжев Алексей Гурьянович) и «Ефимушке болящем» (Сюлаев Ефим Гаврилович), как о «прозоливцах» и «божьих целителях», для использования последних в контрреволюционных целях Малов установил с ними тесную связь.

Летом 1936 г., посетив поочередно Дияжева и Сюлаева, в беседах с которыми Малов выявлял их политические взгляды, убедился, что они по отношению к советской власти настроены враждебно и что их квартиры систематически посещает большое число «странников» и прочих религиозно верующих граждан, среди которых, как сообщили Малову сами «Алёша болящий» и «Ефим болящий», проводят антисоветскую агитацию.

Придя к выводу, что Дияжев и Сюлаев пользуется большим авторитетом у религиозных фанатиков, что последние находятся под их влиянием, Малов в процессе этих же бесед как Дияжева, так и Сюлаева завербовал в контрреволюционную организацию.

В ходе вербовки, обрабатывая по одиночке и Дияжева, и Сюлаева, Малов, а вместе с ним и его собеседники, имея общность в контрреволюционных взглядах, всячески опошляли советскую власть и высказы-

вались о неизбежной гибели её в скором времени. Исходя из этого, Малов Дияжеву и Сюлаеву дал установки, которые сводились к тому, чтобы они, используя религиозный фанатизм своих посетителей, путём распространения клеветнических измышлений по адресу существующего строя, внедряли в их сознание ненависть к советской власти, создавая таким образом контрреволюционные кадры, способные на случай интервенции против СССР возглавить контрреволюционные силы внутри страны.

Продолжая свою работу по созданию контрреволюционной организации, Малов в этом же 1936 году связался с освобождённой из-под стражи бродячей монашкой Сутыркиной Прасковьей Ильиничной, выдававшей себя за царскую дочь «Анастасию Романову», которая в 1932 г. была арестована по одному делу с Маловым. Эта связь носила контрреволюционный характер и поддерживалась она путём личных встреч до последних дней.

В 1938 г. в одной из бесед Сутыркина и Малов на квартире последнего, констатируя общность своих контрреволюционных взглядов и единство стремлений, направленных на борьбу против существующего строя, договорились о совместной в дальнейшем контрреволюционной работе. Здесь же Малов Сутыркиной дал установку, чтобы она, странствуя по сёлам, наряду с распространением клеветнических и провокационных измышлений по адресу советской власти, в целях объединения контрреволюционного элемента продолжала себя выдавать за царскую дочь Анастасию Романову.

Осенью 1939 года, во время очередного посещения Малова, Сутыркина вместе с ним ходила в Ст. Бекшанку к Дияжеву, на квартире которого устроили сборище. На этом сборище Малов, Сутыркина и Дияжев обсуждали контрреволюционные вопросы, выражая надежду на скорое падение советской власти и учреждение в стране монархического строя. При этом договорились продолжать свою антисоветскую работу по объединению вокруг себя антисоветского элемента...

Помимо этого Малов обработал в антисоветском духе и вовлёк в состав контрреволюционной организации б/священников Нечаева Александра Павловича, Ломакина Василия Ивановича, б/кулака Шабанова Ивана Филипповича и Пахомова Фёдора Ильича.

Об Александре Павловиче Нечаеве есть сведения в «Книге памяти жертв политических репрессий» Ульяновской области. Родился он в 1890 году в Инзенском районе. На момент первого ареста служил священником в селе Нижняя Туарма Вейшкхамского района, имел на иждивении семерых несовершеннолетних детей. 26 ноября 1929 года Тройкой ОГПУ по Средневолжскому краю выслан в Северный край на три года. На момент второ-

го ареста проживал в посёлке Измайловке Барышского района. 2 декабря 1944 года Ульяновским областным судом приговорён к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на 5 лет и конфискацией имущества.¹⁰

В медицинском заключении, вынесенном в отношении состояния Малова, говорится: «Мы, нижеподписавшиеся, нач. санчасти Попов В. А., врач Державина М. Г., составили настоящий акт в том, что в тюремной больнице находится на лечении с 22/X-39 г. по настоящее время заключённый Малов Иван Иванович 86 лет.

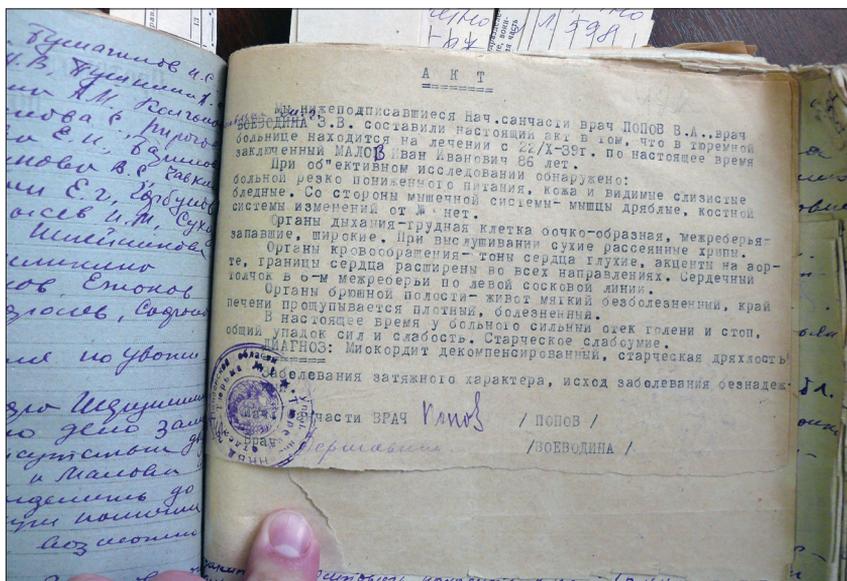
При объективном исследовании обнаружено: больной резко пониженного питания, кожа и видимые слизистые бледные. Со стороны мышечной системы – мышцы дряблые, костной системы изменений от № (нормы. – А. Д.) нет.

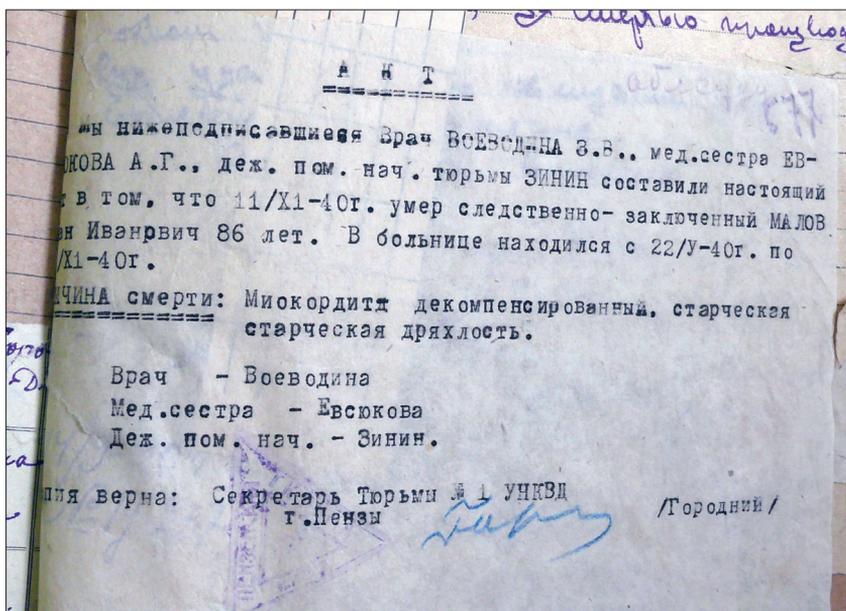
Органы дыхания – грудная клетка бочкообразная, межреберья запавающие, широкие.

Органы кровообращения – тоны сердца глухие, акцент на аорте, границы сердца расширены во всех направлениях. Сердечный толчок в 6-м межреберье по левой сосковой линии.

Органы брюшной полости – живот мягкий, безболезненный, край печени прощупывается, плотный, болезненный.

В настоящее время у больного сильный отёк голени и стоп, общий упадок сил и слабость. Старческое слабоумие.

Диагноз: миокардит декомпенсированный, старческая дряхлость.

Заболевания затяжного характера, исход заболевания безнадежный».

Понятно, что с таким диагнозом Малов на суде присутствовать не мог, поэтому было решено материалы, касающиеся его и такой же безнадежно больной Ф. Е. Семёновой, не рассматривать.

11 ноября 1940 года следственно-заключённый Иван Иванович Малов скончался в тюремной больнице Пензенской тюрьмы № 1 от миокардита декомпенсированного и старческой дряхлости. Кстати, в этом акте о его смерти сказано, что в больнице он находился с 22 мая 1940 года. Вот и пойми, какому документу верить.

В связи со смертью обвиняемого дело в отношении его было прекращено.

Семёнова Февронья Ермолаевна скончалась раньше – 8 августа 1940 года в 19 часов 55 минут от туберкулёза лёгких и кишок. В тюремной больнице она находилась с 17 июня 1940 года.

В акте медицинского заключения на неё говорится: «При объективном исследовании обнаружено: больная резко-пониженного питания, кожа и видимые слизистые бледные. Со стороны кишечной и костной системы изменений нет.

Органы дыхания – в лёгких на верхушках жёсткое дыхание с удлинённым выходом, под левой ключицей амфорическое дыхание, среднепузырчатые хрипы, слева под лопаткой крипитация, дыхание жёсткое.

Органы кровообращения – глуховатые тоны сердца.

Органы брюшной полости – живот мягкий, безболезненный.

В настоящее время у больной +38–39⁰, ночные поты, плохой аппетит, прогрессирующая слабость.

Диагноз: туберкулёз лёгких активной формы.

Заболевание затяжного характера, исход заболевания безнадежный».

В связи со смертью дело в отношении её также было прекращено.

Семёнова Февронья Ермолаевна родилась в 1886 году в селе Телятниково Барановского района Пензенской области в крестьянской семье, отец её занимался скупкой и перепродажей леса, без определённых занятий и места жительства. Монашка. В 1925–1927 годах жила в Хвалынском Успенском женском монастыре. Арестовывалась в 1930 году. Проживала у разных людей: в Елшанском Хуторе Радищевского района, в деревне Грязевке у Абакумовой, в Канадее у Головиновой и в других местах, ходила по сёлам, собирая подаяние. Была задержана в селе Павловке Павловского района Куйбышевской области, где остановилась переночевать, чтобы потом идти в Кузнецк и Ульяновку.

Постановление на её арест выписано 10 февраля 1940 года, арестована была 13 февраля.

4 мая 1940 года при обыске у неё были изъяты и приобщены к делу как вещественные доказательства: молитвы, конверт с обратным адресом и два венчика, которые она купила вместе с ладаном и свечами в Улья-

новской церкви, да ещё изъятая по её делу у мальчика Кузьмина книга политехучебник, откуда была вырвана часть листа для составления антисоветской листовки.

В отношении этой листовки с нанесёнными на ней фашистскими знаками 15 марта 1940 года был составлен отдельный акт, из которого следует: «В 1937 году на улице в селе Телятникове Барановского р-на накануне выборов в Верховный Совет СССР была найдена листовка контрреволюционного содержания, написанная химическими чернилами от руки на пол-листе бумаги, вырванной из книжки, которая была представлена в Барановское РО УНКВД.

Указанная листовка контрреволюционного содержания, как это установлено следствием, была написана несовершеннолетним мальчиком Кузьминым Егором Васильевичем по настоянию и под диктовку обвиняемой Семёновой Февроньи Ермолаевны».

Как написано в постановлении на её арест, в декабре 1937 года, ведя в селе Телятниково среди населения агитацию против выборов в Верховный Совет СССР, Семёнова сказала: «Соввласть послана Антихристом, и кто пойдёт на выборы, того иссосёт змея, и он всегда будет мучиться». Осенью 1938 года внушала колхозникам, что «скоро на соввласть нападут все иностранные государства и уничтожат соввласть, а колхозников и в особенности тех, у кого дети служат в Красной армии, будут казнить и изрубят, как капусту».

В 1939 и 1940 годах она среди населения распространяла стихи антисоветского содержания. На основании всего этого она была арестована и помещена в тюрьму НКВД г. Кузнецка.

В ходе следствия Семёнова была допрошена 8 раз. На одном из допросов по поводу обнаруженных у неё шести поминаний, она сказала, что одно из них принадлежит священнику Знаменской церкви села Адоевщино Радищевского района Куйбышевской области Кипарисову, который в 1937 году служил священником в Новоспасском районе той же области и в том же году был там арестован.

В «Книге памяти жертв политических репрессий» Ульяновской области есть сведения о священнике из с. Адоевщины Дмитрие Александровиче Кипарисове, о котором сказано, что он 14 декабря 1929 года был осуждён на 3 года Тройкой ОГПУ по Средневолжскому краю и что сведений о дальнейшей его судьбе нет.¹¹ Теперь к ним можно добавить и сведения, сообщённые на допросе Семёновой.

На вопрос следователя о назначении найденных у неё венчиков и «рукописей» (разрешительных молитв) Семёнова выразилась так: «Рукописи и венчики используются для умерших верующих граждан. Рукопись для

умершего верующего гражданина является паспортом для Бога. Каждый верующий человек в Бога к Богу должен явиться с рукописью, или с паспортом». Одну рукопись и венчик она хранила лично для себя, другие для верующих граждан, кто попросит.

Заявляя о своей ненависти к советской власти, Семёнова подчёркивала, что она выражает желание, чтобы вместо неё существовала такая власть, которая бы верующим давала возможность свободно удовлетворять их религиозные чувства, чтобы были открыты церкви и можно было свободно в них ходить. Вот и всё, что нужно было верующим.

Головинова Анна Алексеевна родилась в 1885 году в селе Канадей Николаевского района Пензенской области в семье зажиточных крестьян, в хозяйстве которых было две лошади, две коровы, 2–3 десятка мелкого скота, использовался наёмный труд – два человека сезонных рабочих. Сама Анна Алексеевна физическим трудом не занималась, а несовершеннолетней девушкой ушла в имение генеральши Обрязанцевой в селе Новоспаске. Окончила церковно-приходскую школу и 8-месячные курсы сестёр милосердия. С 1909 по 1924 год работала сестрой при больнице, потом без определённых занятий. Состояла председателем церковного совета, в 1935 году участвовала в массовом выступлении против закрытия церкви в селе Канадей, возглавив группу верующих из 20 человек и требуя у сельсовета её открытия, а после закрытия церкви организовала у себя на квартире молитвенный дом. Проживала в посёлке Сурки Николаевского района.

10 мая 1936 году была осуждена Николаевским нарсудом по ст. 95 п. 11 УК РСФСР на два года лишения свободы, но 6 октября того же года

освобождена из-под стражи по определению народного суда в порядке 458-й статьи УК условно-досрочно.

Об этом в её деле говорилось так (даётся по оригиналу): «В 1935 г. осенью в силу возросших колхозных масс по их инициативе было произведено закрытие церкви. Головинова, являющаяся старостой церковного совета, будучи тесно связанной с попами и прочим нетрудовым элементом, будучи недовольной закрытием церкви, как не имеющая средств к существованию, стала писать в директивные органы края и республики о том, что с/советом насильно закрыли церковь в сопровождении _____ и т. п., благодаря чему возмущала массу и подрывала авторитет руководителей села, причём сочиняя и рассылая заявления, это делала от имени верующей части населения, подписывая лично сама подписи таковых, что она сама не отрицает, на предварительном следствии, а равно и частично на судеб[ном] следствии, чем и совершила преступление, предусмотренное ст. 95-11 УК, каковое обв[инение] суд считает доказанным, руководствуясь ст. 319, 320 УПК и ст. 95-11 УК, – приговорил: Головинову Анну Алексеевну на основании ст. 95-11 УК подвергнуть тюремному заключению сроком на 2 года с зачётом предварительного заключения под стражу с 10 апреля 1936 года по день суда.

Мерой пресечения до вступления приговора в законную силу избрать немедленное заключение под стражу с содержанием в Кузнецкой тюрьме. Приговор может быть обжалован в крайсуд в 5-дневный срок».

Просидела Головинова в тюрьме около двух месяцев, после чего была направлена в Чуфаровскую колонию НКВД № 1 и через 3 месяца по пересмотру дела освобождена.

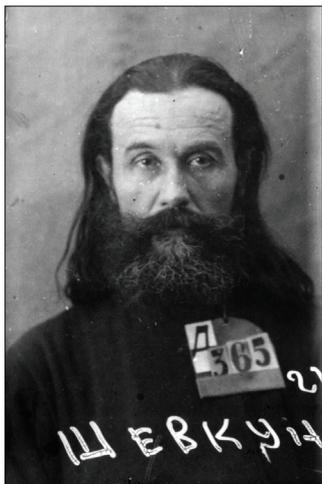
После того как 17 февраля 1940 года Головиновой выписали постановление на арест, она была препровождена в Кузнецкую тюрьму НКВД № 2. В ходе следствия допрошена 8 раз. Следы её «добровольных признаний» хорошо видны на фотографии.

11 марта ей было предъявлено следующее обвинение: «Будучи враждебно настроенная к советской власти на протяжении ряда лет, среди населения проводила контрреволюционную деятельность, направленную на срыв проводимых партией и советской властью мероприятий. Распространяла среди отсталой части населения провокационные слухи о войне и гибели советской власти. Группируя вокруг церкви контрреволюционный элемент для борьбы с колхозным строительством и для восстановления религии, при этом используя библию, евангелие и другие церковные книги».

8 мая 1940 года изъяты у неё предметы: 20 икон, 3 иконы на полотне, 20 церковных книг, чётки, сумочка для просвир, 8 поминаний, 4 свечи,

21 крестик – как не имеющие для следствия значения, были уничтожены путём сжигания. А вот интересно, на каком основании уничтожались вещи гражданина до вынесения приговора суда о конфискации его имущества?

В её показаниях на допросе представляет интерес её связь с архимандритом Евстратием, которого она называет Евстратием Фёдоровичем Шевкуновым, сосланным на 3 года в село Канадей и некоторое время проживавшим в её доме. Речь идёт о Евсевии Петровиче Шевкуне, биография которого помещена на сайте Донского монастыря.¹²

Родился он в 1875 году в слободе Заполье города Мерополье Суджинского уезда Курской губернии. Находился в монастыре Орловской губернии, затем был призван на военную службу и с 1897 по 1900 год служил в 127-м пехотном Путивльском полку писарем. В 1906 году зачислен штатным послушником в Донской монастырь и в 1907 году пострижен в монашество с именем Евстратий.

В 1908 году рукоположен в сан иеродиакона, а в 1910 году – в иеромонаха. Исполнял следующие послушания: монастырского библиотекаря, с 1912 года – заведующего кладбищем Донского монастыря, с 1913 года проходил череду священнослужения, в 1919 году назначен казначеем. После 1921 года возведён в сан архимандрита. 15 ноября 1927 году арестован за антисоветскую агитацию на могиле патриарха Тихона и выслан в село Канадей Сызранского уезда Ульяновской губернии. Головинова говорит, что он прожил в Канадее с февраля 1926 по 1929 год, а потом ещё два раза приезжал туда отдыхать – в 1931 году на две недели и в 1935 году недели на три, но жил уже на других квартирах.

С архимандритом Евстратием Головинова познакомилась в Москве на квартире у Анны Ефимовны Толпыго, которая считала архимандрита «великим человеком по его религиозным убеждениям и враждебности к советской власти». На момент его ареста Головинова находилась в её квартире в Москве, где и решили, чтобы ссылку архимандрит отбывал в Канадее. После отбытия срока наказания архимандрит Евстратий вернулся в Москву, служил до 1933 года в храме священномученика Климента, папы Римского на Пятницкой улице.

В сентябре 1937 года Толпыго сообщила ей о смерти архимандрита. Они вдвоём и оказали на Головинову большое влияние, выразившееся в её деятельности против закрытия церкви.

На основании постановления Пензенского областного суда от 30 июля 1940 года Анна Алексеевна Головинова была приговорена к 10 годам лишения свободы с отбыванием заключения в исправительно-трудовом лагере и конфискацией имущества, а также с поражением в избирательных правах сроком на 5 лет.

19 февраля 1940 года была задержана **Марина Герасимовна Крашенинникова**, не имевшая документов, которая вначале назвала себя Марией Владимировной Сердопольской из Воронежской области, 1903 года рождения, затем Марией Герасимовной Крашенинниковой, 1905 года рождения, из Барышской Дурасовки Барышского района, а под конец – Александрой Арсентьевной Крючковой, 1918 года рождения, из села 1-е Тарлаково Кузнецкого района.

В постановлении на её задержание для выяснения личности было записано, что её поведение вызывает большое подозрение ввиду того, что она имела тесную связь с арестованными лицами как участниками контрреволюционной группы.

20 февраля 1940 года в постановлении на арест её связи уже конкретизированы: «Имела связи с активными участниками контрреволюционно-церковно-монархической повстанческой организации, так называемой «Союз Христовых воинов», – болящим Ефимушкой – Ефимом Гавриловичем Сюлаевым, Щербаковой Анной Фёдоровной, Щипановой Александрой и рядом других. Сердопольская-Крашенинникова-Крючкова, ведя бродячий образ жизни, выполняла роль связиста между отдельными формированиями этой контрреволюционной организации. Вместе с тем выдавала себя за дочь бывшего царя Николая II и проводила среди населения антисоветскую агитацию, в частности осенью 1939 г., будучи в пос. Волдачи Николаевского района, в квартире гр-на Сендюкова, среди собравшихся граждан выступала с проповедью, направленной против советской власти и срыв выборов в советы депутатов трудящихся».

20 февраля она была препровождена в Кузнецкую тюрьму № 2.

19 марта 1940 года на основании поступившего из Барышского РО НКВД свидетельства о рождении следователь постановил в дальнейшем именовать её по делу № 102 Крашенинниковой Мариной Герасимовной, 1905 года рождения. В ходе следствия была допрошена 7 раз.

На первом допросе, 19 февраля, показала, что она бывшая монашка Пайгармского монастыря, в г. Кузнецк прибыла из Рузаевки проездом че-

рез Пензу помолиться. Не имея постоянного места жительства, ходила по разным городам и сёлам, была в Алатыре, Пензе, Ульяновске, но нигде надолго не останавливалась.

Однако, уличённая в сокрытии настоящей фамилии, рассказала свою биографию. С 1935 по 1936 год она работала в селе Мухино Вешкаймского района Ульяновской области почтовым агентом на почте, а потом до 1938 года – помощником начальника почты в селе Каргино того же района, где у неё пропал перевод на 300 рублей, после чего она скрылась.

На следствии Крашенинникова даёт подробнейшее описание своих маршрутов, с которым интересно будет познакомиться, поскольку такой образ жизни был у многих «странниц», не имеющих определённого места жительства и вынужденных постоянно скитаться, чтобы избежать ареста. Пускай Крашенинникову на этот путь толкнули вынужденные обстоятельства – пропажа перевода, но в целом это была типичная ситуация 30-х годов советской власти для многих бездомных верующих, кочующих из села в село, из храма в храм.

Сделавшись странницей, первое время она жила в Новой Селе Николо-Пёстровского района у монахини Руфи (Дарьи Дмитриевны Томкиной). Там она познакомилась с монахиней Тамарой (Майоровой) и вместе с ней пошла в г. Кузнецк через Литвино, где из-за болезни Тамары остановились на три дня у бывшей монахини Шиханского монастыря Марии Ивановны Поляковой по адресу: ул. Рабочая, 3. В Кузнецке ночевали у монахини Аркадии, потом пошли в село Ульяновку. Там прожили пять дней у Абакумовой и вернулись в Новую Селю, где Крашенинникова пробыла два дня и уже одна пошла в Промзино, но не дошла, а вернулась в

Кузнецк и затем отправилась в Ульяновку, а оттуда – в Донгузлей Неверкинского района. Там прожила до апреля 1939 года, подрабатывая пошивом верхней одежды для граждан и стеганием одеял. Потом перебралась в Ульяновку, из неё снова в Донгузлей и опять вернулась в Новую Селю. В конце мая 1939 года вместе с Томкиной пошла в Пензу к её сестре, проживавшей по адресу: ул. Урицкого, 77. Их путь в Пензу шёл через село Гремячевку на Лунино и оттуда на поезде до Пензы. В городе прожили неделю и вновь вернулись в Новую Селю. Дней через пять Крашенинникова ушла в Павловку, оттуда в Ульяновку, затем в Тарлаково, где находилась до второй половины июля 1939 года, снова подрабатывая пошивом верхней одежды. На квартире, где жила, украла паспорт умершей племянницы хозяйки дома на имя Крючковой Александры Арсентьевны и ушла в Донгузлей, где прожила до перевыборов в местные советы. 23 декабря 1939 года, накануне выборов, узнав, что её разыскивает начальник РОВД, сразу же ушла в Чирково. Две ночи ночевала в бане и через Медаевку и Безобразово пришла в Ульяновку. Далее её маршрут пролегал через населённые пункты, где она останавливалась или только на ночёвку, или же на несколько суток: Кузнецк – Ульяновку – Курмаевку – станцию Ключики – на поезде в Новоспасск – Адоевщину – Дмитриевку Радищевского района – Новоспасск – Ключики, откуда на поезде приехала 17 февраля 1940 года в Кузнецк, где и была задержана.

При допросе среди своих знакомых по Кузнецкому району Крашенинникова назвала Васю из села Посёлки, вместе с которым ходили две молодых женщины Варя и Таня. Первая из них, выдававшая себя за одну из дочерей Николая II, выглядела так: «Варя высокого роста, цвет волос чёрный, брови чёрные, глаза чёрные, цвет лица смуглый, одета в чёрный жакет, хлопчатобумажный, без воротника, на голове чёрная шаль, на ногах лапти и белые портянки». Таня, у которой и отец и мать сидели в тюрьме, происходила из села Ручим.

Этих сведений оказалось достаточно, чтобы найти и арестовать Варю – Барцайкину Варвару Ивановну и Таню – Филатову Татьяну Николаевну, первую – 26-го, а вторую – 27 февраля 1940 года.

Читаешь эти показания и недоумеваешь: неужели ещё оставались доверчивые люди, которые в полуграмотных бездомных женщинах могли признавать дочь императора? А ведь Варя была не одна такая. Мы уже знакомы с кривой на один глаз «Анастасией Романовой» – Сутыркиной. А ещё была Надя, тоже выдававшая себя за дочь Николая II, которая бывала и в Кузнецкой церкви, и в Ульяновской, но больше всего обреталась в Камешкирском районе. Да и сама Крашенинникова, по словам следствия, тем же отличалась. Не многовато ли царевен для одного места?

На вопрос следователя, кто среди церковников пользуется большим авторитетом, подследственная отвечала: «Из названных мною лиц, которые именуют себя дочерьми бывшего царя, авторитетом пользуется Варя, она же слывет за святую, и особенно благосклонно к ней относится Вася из с. Посёлок, он как бы является её телохранителем». Облик «телохранителя» (Василия Михайловича Шляпникова): «Выше среднего роста, волосы чёрные, лицо белое, носит усы и бороду, одет в чёрном пиджаке, в чёрных валенных сапогах, на голове чёрный малахай».

Из «антисоветских личностей», как определил их следователь, Крашенинникова назвала Абакумову, Щербакову, Пшеничкину, Сюлаева, Шабайкина, то есть всё тот же круг арестованных уже лиц, показания о которых мало что уже добавляли нового к их характеристикам.

22 февраля 1940 года Крашенинникову вновь возвращают к её биографии, начало которой ещё не было освещено следствию.

До 1926 года она работала в хозяйстве своих родителей в селе Барышской Дурасовке Барышского района, а потом поехала в г. Ульяновск поступать учиться. Однако в связи со смертью отца ей пришлось вернуться домой. В 1928 году в её селе организовали колхоз, куда Крашенинникова вступать отказалась, поэтому у неё отобрали корову, овец и весь хлеб. С этого времени у неё и зародилось, как она сказала, отвращение к советской власти. С 1934 года Крашенинникова стала писать антисоветские стихи, один из них расклеила на улице в селе Беликово Барышского района напротив сельсовета. В 1934 году, являясь председателем церковного совета в селе Старой Зиновьевке, активно выступала против закрытия церкви, собирая с граждан подписи, с которыми поехала в Москву к председателю ВЦИК Михаилу Ивановичу Калинин. Ей удалось попасть к нему на приём. Вернувшись домой, стала ходить с венчиками и разрешительными молитвами по сёлам Карсунского района, распространяя их среди населения. Была задержана Карсунским райотделом НКВД и этапирована в Барышский райотдел и далее в Сызранскую тюрьму. В конце 1934 года была освобождена из-под стражи до особого распоряжения. Поступив работать на почту, больше контрреволюционной деятельностью не занималась. Но с 1938 года, начав вести бродячий образ жизни, стала распространять «религиозный дурман»: говорила, что «советская власть церквя закрывает, в скором будущем крещения не будет, венчания не будет, умерших отпевать не будут, человек земле предаваться не будет, а будет валяться как скот».

«Потом я населению говорила, – продолжает Крашенинникова, – что когда человек живёт, то смотрит телесными очами, а когда умирает, то у него телесные очи закрываются, а сердечные очи открываются, тогда он

увидит всё, и что ему будет, всё узнает. Этим самым я населению восхваляла загробную жизнь и населению внедряла, чтоб они за Бога за загробную жизнь всякие гонения от советской власти терпели. В целях того, чтобы наша религия не пропала, я население призывала к тому, чтобы они как можно больше молились Богу, детей крестили в церкви, детей воспитывали в религиозном духе».

За время своей бродячей жизни Крашенинникова распространяла как свои собственные стихи антисоветского содержания, так и списанные из разных религиозных книг. «Наиболее выдающийся» стих, по её словам, она сочинила в 1938 году, он называется «Обитель»:

*Вот стоя я одинока
Перед обителей святой,
Вспоминаю лик священный
Богомати Пресвятой.
Где же ты, наша святыня?
Навек покинула ты нас,
Разорилиси соборы
И погиб наш иконостас.
Нет уже службы здесь церковной,
Прекратили святой звон,
Не идут уж богомольцы
К сей святыне на поклон.
Где же пастырь наш несчастный?
Он лежит в сырой земле,
Как изгнанник одинокий
В непробудном лежит сне...
и так далее.*

На вопрос, какую она преследовала цель, настраивая население против советской власти, Крашенинникова отвечала: «Я имела только одну цель, чтоб верующий народ до конца своей жизни верил в Бога, молился Богу и не бросал религию. Других целей я не имела».

Такой ответ следствие, конечно же, не устраивал. На следующий день последовал вопрос, содержащий в себе сразу же и готовый ответ: «Вчера 22 февраля вы показали неправду, говоря, что на путь борьбы с советской властью вы встали из-за обиды отбором коровы. На вражеский контрреволюционный путь вы встали потому, что были не согласны с политикой партии и советской власти в деле коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса. Сейчас это признаёте?»

Ответ: «Да, я признаюсь, что на допросе вчера я сказала неправду. Я скрыла от следствия истинную причину, почему я встала на контррево-

люционный путь. В действительности на вражеский путь, на путь борьбы с советской властью, я встала не потому, что обиделась отбором коровы, а потому, что я целиком и полностью была не согласна с политикой партии советской власти в деле коллективизации сельского хозяйства и ликвидации кулачества как класса.

Можно только догадываться, какие меры воздействия применялись во время следствия, чтобы добиться необходимых показаний. Отголосок этого слышится в том, как порой за одну только ночь обвиняемые сразу «прозревали» и начинали говорить диаметрально противоположное тому, что ими было сказано накануне на допросе.

Вот и здесь мы видим, как с каждым новым допросом Крашенинниковой всё более и более вырисовывалась нужная следователю линия, превращающая обиженных советской властью верующих в её закоренелых врагов. Показания Крашенинниковой постепенно приобретают нужную окраску и уже характеризуют её как идейного борца с советской властью, рано вступившую на этот враждебный путь:

«С детства вращаясь среди религиозников, среди активных церковников, антисоветских личностей, в частности, с бывшим кулаком села Барышской Дурасовки старостой церковного совета Моисеевым Михаилом Тарасовичем, попом церкви села Старой Зиновьевки Беловым Сергеем и другими, я постепенно, ещё с детства, стала их единомышленницей. В 1927 году Тарасов и Белов меня как активную церковницу выдвинули на секретаря церковного совета. Работая секретарём церковного совета, за время с 1927 года по 1930 год я неоднократно участвовал на сборищах в сторожке церкви села Старой Зиновьевки, где слышала ряд антисоветских выступлений попа Белова и Моисеева. Поп Белов присутствующим на сборищах читал разные божественные книги, растолковывая их в антисоветском духе. Моисеев присутствующих призывал на борьбу с советской властью, он население противопоставлял против существующего государственного строя, против колхозов. В начале коллективизации сельского хозяйства в конце 1928 года на сборищах в сторожке церкви Моисеев всегда присутствующих призывал в колхоз не вступать, он говорил: «Колхозы – это вторая барщина, кто идёт в колхоз, тот неверующий человек. Колхозов всё равно скоро не будет, скоро придёт время – колхозников разгонят, и опять всё будет наше...». Он-то, Моисеев, мол, и посоветовать писать ей антисоветские стихи и расклеивать, только не в своём селе.

Справка: священник села Старая Зиновьевка Сергей Карпович Белов, уроженец Мордовии, 1879 года рождения, имевший 6 детей, был осуждён Тройкой ОГПУ по Средневолжскому краю 25 октября 1932 года на 5 лет.¹³

Моисеев же на 1940 год продолжал проживать в своём селе и, возможно, эти показания Крашенинниковой могли повлиять на его дальнейшую судьбу, хотя среди репрессированных в Ульяновской области его имя не обнаружено.

14 марта во время 7-часового допроса все показания Крашенинниковой были заново изложены и приведены в стройную систему.

Последовало ещё несколько допросов, очных ставок, и вот окончательный обвинительный приговор, стоившей Крашенинниковой десяти годов заключения в исправительно-трудовом лагере: «Являясь активной участницей контрреволюционной организации, по заданиям которой устанавливала связи со своими единомышленниками, сочиняла стихи антисоветского содержания, распространяя их среди населения, и вела контрреволюционную агитацию, направленную против мероприятий партии и правительства».

А в заключении на её реабилитацию от 2 октября 1991 года говорится: «Сведений и доказательств о её преступной деятельности в деле не имеется», «Осуждена она незаконно».

Хотя непонятно всё-таки. Если в её следственном деле многочисленные антисоветские высказывания налицо, то и осуждена она, как и другие, по законам советского времени вполне законно. Другое дело, что сама советская власть пришла к власти незаконно и преступные её репрессивные действия по отношению к своим гражданам ставят её вне закона, но только какого? Вне закона справедливости? Но ведь справедливость, как и само понятие закона, не имеет однозначной трактовки. Что такое вообще – закон? Это нормативно-правовой акт, который принимается законодательным органом государственной власти, дающим ей возможность на «законном» основании применять меры государственного принуждения. Вот советская власть и применяла такие меры принуждения и наказания, которые сама же себе и установила, сочинив под себя эти самые законы. Но когда репрессии осуществляются в масштабах всей страны и среди всех слоёв населения, так что уже стираются рамки между «врагами народа» и самим этим народом, не говорит ли это о том, что главным врагом народа является сама власть? Конечно, говорит. Она и есть главный преступник, стоящий над законом и управляющий им так, как ей надо.

13 августа 1990 года на основании указа президента СССР М. С. Горбачёва «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов» были признаны «незаконными, противоречащими основным гражданским и социально-экономическим правам человека репрессии, проводившиеся в отношении крестьян в период коллективизации, а также в отношении всех других граждан по политическим, социальным, на-

циональным, религиозным и иным мотивам в 20–50-х годах», и на этом основании согласно указу подлежало полное восстановление прав этих граждан.

Говоря о бесчисленных жертвах 1920–1950-х годов, указ в преамбуле конкретизирует виновных в развязывании против населения массовых репрессий такими словами: «Сталин и его окружение присвоили практически неограниченную власть, лишив советский народ свобод, которые в демократическом обществе считаются естественными и неотъемлемыми».

Но кто такие «Сталин и его окружение»? Это, прежде всего, Коммунистическая партия Советского Союза, которая, согласно Конституции СССР 1936 года, представляла собой «руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных» (ст. 126), то есть и Советов депутатов трудящихся, от лица которых творились все «законные» беззакония в стране.

М. С. Горбачёв на момент издания указа «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20–50-х годов» ещё являлся генеральным секретарём ЦК КПСС и потому, наверное, «стыдливо» умолчал об ответственности Коммунистической партии перед своим народом. 24 августа 1991 года он объявил о сложении с себя полномочий генсека и о самопуске ЦК КПСС, но не в связи с преступным прошлым компартии, а из-за того, что она не оказала должного противодействия ГКЧП (Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР), попытавшемуся совершить государственный переворот.

Коммунистическая партия Советского Союза 14 марта 1990 года на I Съезде народных депутатов потеряла конституционную монополию на политическую власть в стране. 23 августа 1991 года указом президента РСФСР Б. Н. Ельцина деятельность компартии в связи с поддержкой ГКЧП на территории России была приостановлена, а 6 ноября 1991 года деятельность КПСС, КП РСФСР на территории Российской Федерации была запрещена, а их организационные структуры распущены.

В указе от 6 ноября говорится, что деятельность руководящих структур КПСС «носила явный антинародный, антиконституционный характер, была прямо связана с разжиганием среди народов страны религиозной, социальной и национальной розни, посягательством на основополагающие, признанные всем международным сообществом права и свободы человека и гражданина».

Однако 30 ноября 1992 года Конституционный суд РФ признал не соответствующим Конституции России запрет деятельности первичных организаций Компартии, образованных по территориальному принципу,

оставив в силе роспуск руководящих структур КПСС и её российской республиканской организации – КП РСФСР.

Не согласный с таким половинчатым решением Конституционного суда РФ судья А. Л. Кононов в своём особом мнении справедливо заметил, что «первичные организации КПСС и КП РСФСР, в том числе созданные по территориальному принципу, составляли сущностное единство со своими руководящими структурами высшего уровня, были исполнительными звеньями единого государственно-партийного механизма и, как представляется, нет никаких оснований устранять их от конституционной ответственности».

Своим же решением Конституционный суд сохранил организационную структуру Компартии, и в результате спустя некоторое время появилось несколько организаций-наследниц КПСС. Самая крупная из них позиционирует себя в форме «Союза коммунистических партий – Коммунистическая партия Советского Союза» под руководством Г. А. Зюганова, который является и лидером входящей в этот конгломерат Коммунистической партии РФ, заявившей себя правопреемницей КПСС на территории Российской Федерации.

Что же касается неконституционности коммунистической партии, то есть полного запрета её деятельности, то Конституционный суд ушёл от решения этого вопроса, мотивируя это тем, что де-факто КПСС прекратила своё существование. Таким образом, преступной организацией Коммунистическая партия при всей её преступной деятельности не была названа и продолжает спокойно существовать в новых обстоятельствах и под новой личиной.

Однако вернёмся к нашему делу № 102, которое уже подходит к концу. Остались последние обвиняемые.

Барцайкина Варвара Ивановна – дочь проходившего в 1933 году по первому делу «Союза Христовых воинов» Барцайкина Ивана Сергеевича, приговорённого к трём годам заключения. В 1937 году отец Варвары был снова арестован, осуждён на 5 лет и сослан на Дальний Восток.

Родилась она в 1916 году в селе Симкино Большеберезниковского района МАССР. Работала в хозяйстве отца, в котором имелись: дом с постройкой, лошадь, корова, овцы. За неуплату налогов скотина была распродана. С 1935 года Варвара начала вести бродячий образ жизни, всегда ходила вместе с Т. Н. Филатовой, посещала сёла Ручим, Юга (Ёга) Литвиновского района, Сюрман (Серман) Николо-Пёстровского района, Тяпино, Вавгусы (Валгуссы), Аргаш, Труслейка, Мордовские Домосердки Инзенского района Ульяновской области, Посёлки, Ульяновка Кузнецкого

района, г. Кузнецк. С 1938 года их стал сопровождать в Ульяновку житель села Посёлки Кузнецкого района Василий Михайлович Шляпников.

25 февраля 1940 года начальник Кузнецкого городского отделения НКВД рассмотрел материал в отношении гражданки по имени Варвара, «которая, не имея определённого места жительства, бродя по сёлам Кузнецкого, Литвиновского, Камешкирского, Барышского и других районов Пензенской и Куйбышевской областей, увязывалась с церковниками, участниками контрреволюционной церковно-монархической организации, ныне арестованными, и по их заданиям среди населения проводила активную антисоветскую агитацию.

Кроме того, Варвара является одной из выдаваемых себя за наследницу б/царя Николая Романова, т. е. подозревается в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.

Будучи сего числа задержанной, она не называет ни своей фамилии, ни других данных о себе». Поэтому, руководствуясь п. 5 и 6 ст. 100 и ст. 104 УК, постановил: «Неизвестную гражданку по имени Варвара задержать и подвергнуть аресту при КПЗ до выяснения её личности». Ниже сделана приписка: «Впоследствии назвавшейся Барцайкиной Варварой».

26 февраля она была помещена в Кузнецкую тюрьму № 2. При личном досмотре у неё изъяли 15 рублей, одну свечку, два кусочка ладана, один флакон растительного масла и один крестик; впоследствии всё это, кроме денег, уничтожили.

Была допрошена 5 раз, виновной себя при этом не признала. Препровождена во внутреннюю тюрьму НКВД г. Пензы.

Вызванный на допрос в качестве свидетеля В. М. Шляпников пересказал разговоры, которые вела у него в доме Барцайкина. Это обычные разговоры между собой испытывающих притеснения верующих: «Советская власть религию уничтожает. Над церквями и верующими всячески издевается, духовных отцов арестовывают и сажают в тюрьмы. Святые отцы – хорошие люди, наставляют народ на истинный путь от гибели, от антихристов-коммунистов и народ ведут к вечной небесной жизни»; «Для нас, верующих, участие в выборах в советы есть большой грех перед Богом, кто будет участвовать в выборах, тот пойдёт против закона Божьего. Советская власть – власть антихристов-безбожников, а нам, верующим, избирать безбожников грех, участвовать в выборах не следует. Если кто будет участвовать в выборах, то тому придётся много молиться Богу, чтоб замолить грехи» и «Как-то однажды в Евангелии я вычитала, чтобы верующий народ не ходил по тайным комнатам. Выборы же в Совет проходят в тайных комнатах, а раз так, значит, кто участвует в выборах, грешит перед Богом». Поэтому ни в одних выборах она участие не принимала.

На вопрос, что Барцайкина может добавить к показаниям Шляпникова, она сказала: «Советская власть народ сажают в тюрьмы, это переносить тяжелее, нежели раньше при царе. Если раньше при царе людей в тюрьмы сажали в кандалах, то им давали возможность жить духовной жизнью, молиться Богу. Сейчас же при советской власти в тюрьме сидеть тяжелее, людей сажают в тюрьмы в духовные кандалы; молиться Богу, петь молитвы и божественные стихи не разрешают. Нам бы, верующим, лучше бы надели кандалы, но дали жить духовной жизнью – молиться Богу, петь молитвы и божественные стихи».

Показания Шляпникова она полностью подтвердила, но протокол, как этот, так и другие, подписывать отказалась, мотивируя это тем, что ставить подпись на протоколе есть грех перед Богом.

На вопрос, почему она нигде не работает, Барцайкина ответила: «Потому, что негде работать, так как во всех учреждениях и предприятиях Бога нет и в Бога никто не верит».

9 марта 1940 года ей было предъявлено обвинение, заключающееся в следующем: «Будучи враждебно настроенной к существующему государственному строю советской власти, имела связь с ныне арестованными участниками контрреволюционной церковно-монархической организации Филатовой, Крашенинниковой, Дубаевой и другими. В течение последних 5-ти лет вместе с Филатовой бродила по сёлам Литвиновского, Николаевского, Кузнецкого и др. районов Пензенской и Куйбышевской областей, проводя среди населения антисоветскую агитацию, используя при этом религиозные предрассудки верующих».

Летом 1939 года Барцайкина вместе с другими участниками, будучи в церкви с. Ульяновки Кузнецкого района, среди верующих пела стихи контрреволюционного содержания, дискредитирующего характера по адресу советской власти.

В декабре 1939 года Барцайкина вместе с Филатовой проводили контрреволюционную агитацию против выборов в местные советы депутатов трудящихся, призывая население не участвовать в выборах. В результате чего гражданка села Никольское Кузнецкого района Шаронова Евдокия Васильевна 24 декабря 1939 года принимать участие в выборах отказалась».

На суде Барцайкину вместе с Филатовой объявляют «одними из активных членов контрреволюционной организации», по заданию которой они «ходили по сёлам и проводили антисоветскую агитацию среди населения против советской власти, возводили клевету на колхозное строительство, используя при этом религиозные предрассудки, внедряя верующим ненависть к советской власти».

Собственно говоря, такие же, как и у большинства арестованных, обвинения. И вдруг, как гром среди ясного неба, приговор ей с Филатовой, наряду с «руководителями» организации Дияжевым, Сюлаевым, Шабайкиным, Понякшевой, – «подвергнуть высшей мере наказания – расстрелять с конфискацией всего личного, принадлежащего им имущества». Здесь даже комментировать трудно. Очевидное несоответствие обвинения и наказания.

Апеллировать к вышестоящим инстанциям ни Барцайкина, ни Филатова не стали, считая, что расстрел является для них лучшим способом «войти в Царствие Божие, пострадав за веру Христову». Однако адвокат Гродковский подал кассационную жалобу в Верховный суд РСФСР, в которой говорит: «Филатова, 38 л., и Барцайкина, 24 л. (последняя мордовка), обе неграмотные, на судебном следствии выявили себя религиозными фанатиками, желающими «пострадать за веру»; откровенно рассказывали о своей ненависти к совласти, вытекающей из чисто религиозных предрассудков; с полным убеждением говорили о «страшном суде», «антихристе», «загробной жизни». Представляют они безусловно вредный элемент, но если и были в организации, то только как пешки, которые не только не могли знать о наличии и целях организации, но сами были «используемым объектом религиозных предрассудков», а не лицами, которые могли в контрреволюционных целях использовать религиозное невежество масс. Избрание в отношении к ним не только высшей меры, но даже максимального срока лишения свободы должно быть признано необоснованным».

Это было ясно самого начала, но только не прокурору Шерушину, требующему такой зверской и незаслуженной расправы, и не председательствующему в суде Смирнову, закрывшему глаза на явную несправедливость. А тем более не народным заседателям Вальковой и Ипполитовой, роль которых при решении судеб людей более сродни той, какая обычно отводится статистам и ограничивается только их присутствием да ещё согласием с любым решением «профессионалов» своего дела.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР на основании ходатайства защиты 30 августа 1940 года вынесла решение о смягчении наказания: «Высшая же мера наказания в отношении Понякшевой, Филатовой и Барцайкиной избрана судом неосновательно, так как они организаторами этой контрреволюционной группы не являлись». Смертная казнь им была заменена десятью годами лишения свободы с конфискацией их личного имущества и поражением в избирательных правах на пятилетний срок.

Филатова Татьяна Николаевна родилась в 1902 году в селе Ручим Литвиновского района в семье единоличника. Отца, активного церковника, несколько лет бывшего церковным старостой, мать, а следом в 1937 году и трёх её сестер, Пелагию, Веру и Анастасию, посадили в тюрьму; отец судим в 1935 году, умер в заключении, мать умерла в 1938-м. Как написано в характеристике, выданной следствию Балукским сельсоветом, её отец «семью свою воспитывал в духе религиозного фанатизма, в результате чего все дочери, в том числе и Филатова Т. Н., являются монаш-

ками, выполняющими монашеский образ жизни». В 1934 году Татьяна познакомилась с Варварой Барцайкиной в селе Промзино, куда ходила на богослужение, после чего они стали странничать вместе.

Была задержана 25 февраля 1940 года, в один день с Барцайкиной. При обыске у неё изъяли книжку-поминание на 20 листах, записку религиозного содержания и 100 штук оловянных крестиков, которые сдали в «Металлосбыт», записку сожгли, а поминание приобщили к делу, усмотрев, что в нём содержатся имена руководящего состава контрреволюционной организации, участницей которой она является.

В постановлении на арест от 27 февраля 1940 года в отношении её говорится: «Филатова Татьяна Николаевна, будучи враждебно настроена к ВКП(б) и советской власти, на протяжении ряда лет проводила антисоветскую агитацию среди населения, бродя по сёлам Кузнецкого, Литвиновского, Николаевского и других районов. Имела связь с «болящим» Сюлаевым Ефимом из с. Давыдовки Николаевского района, ныне арестованным участником контрреволюционной монархическо-повстанческой организации, от которого получала задания на проведение контрреволюционной деятельности. Бывая в селе Ульяновке Кузнецкого района вместе с Барцайкиной Варварой в 1938–39 гг., около церкви распевали контрреволюционные частушки, распространяла клевету на ВКП(б), совласть и колхозы. В 1939 году перед выборами в местные советы депутатов трудящихся, будучи в селе Никольске Кузнецкого района у Шароновой Евдокии Васильевны, среди собравшихся граждан проводила агитацию, чтобы они не ходили на выборы, как выразилась – избирать власть антихристов, старалась при этом использовать религиозные чувства».

Допрошена была всего два раза, – всё, что могли у неё спросить, следователь уже узнал от Барцайкиной, ей осталось только это подтвердить.

Обвинительное заключение на неё гласило: «Являясь участницей церковно-монархической контрреволюционной организации, выполняла установки своих соучастников, ходила по сёлам и путём использования религиозного дурмана отсталой части населения вела контрреволюционную агитацию». И только за это, как уже говорилось, приговорена к высшей мере наказания – расстрелу. На основании кассационной жалобы адвоката решением коллегии Верховного суда РСФСР это наказание ей было заменено на 10 лет лишения свободы с конфискацией личного имущества и поражением в избирательных правах на 5 лет.

По делу ещё проходила **Щипанова Александра Георгиевна**, 1878 года рождения, монашка, уроженка г. Кузнецка. Привлекалась по делу «Союза Христовых воинов», будучи арестованной 15 декабря 1932 года

за хранение золотой валюты. После двухмесячного содержания в тюрьме была освобождена. 23 февраля 1940 года вновь арестована. Обвинение ей предъявлено 8 марта, допрошена 6 раз, виновной себя не признала. 4 мая 1940 года на неё было выписано постановление, что в ходе следствия достаточных данных для предания Щипановой суду не добыто и поэтому следственное дело в отношении её велено прекратить и её из-под стражи немедленно освободить, о чём был уведомлён начальник Пензенской тюрьмы, в которой она находилась. Освобождена 17 мая. На память о Щипановой в деле № 102 осталась её фотография.

Следует добавить, что в книге «Праведный верою жив будет» Щипанова упоминается как монахиня Аркадия, о чём говорилось и в показаниях одного из обвиняемых по делу № 102. После освобождения прислуживала в Казанской кладбищенской церкви г. Кузнецка. Скончалась 25 декабря 1979 года, перешагнув вековой жизненный рубеж. Похоронена за алтарём церкви.

Послесловие

Странная какая-то получилась контрреволюционная организация: из 20 человек – четыре руководителя, и все в ней больные и увечные. Но, видимо, нужных «кадров» для увеличения численности уже не хватало – за целый месяц удалось арестовать только пять человек. Зато точку в деле решили поставить жирную: двум последним обвиняемым, арестованным в самом конце февраля, – Борцайкиной и Филатовой, «вина» которых

была соразмерной с обвинениями, предъявленными к другим рядовым членам организации, – ни с того ни с сего присудили высшую меру наказания. Не иначе, как не укладывались в план по расстрельным статьям.

Ведь не секрет, что решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 02.07.1937 г. «Об антисоветских элементах» местным партийным органам предлагалось представить на утверждение списки подлежащих расстрелу. На основе полученных сведений был подготовлен проект приказа «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов», утверждённый Политбюро 31.07.1937 г. Каждому региону спускался лимит подлежащих осуждению по 1-й категории (расстрел) и по 2-й категории (заключение в лагерь). Местные власти, войдя во вкус, стали даже просить увеличения лимитов. Процедура судопроизводства решалась в упрощённой форме – тройками, в состав которых входили начальник НКВД, 1-й или 2-й секретарь обкома (крайкома) и областной (краевой) прокурор или же его заместитель.

В ноябре 1938 года, когда основной контрреволюционный поток пошёл на спад, решено было тройки ликвидировать. Тогда же вышло Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», где отмечались допущенные перегибы. Однако секретная установка Сталина 1939 года на применение физических мер воздействия на подсудимых, о чём говорилось в самом начале нашей работы, свидетельствует, что данное постановление не было направлено на борьбу с массовыми арестами и с извращениями в работе НКВД и прокуратуры, а являлось попыткой откреститься от проводимого террора и подготавливало почву к чистке внутри самого аппарата НКВД с целью избавиться от исполнителей и свидетелей развязанного в стране беспредела.

Но жажда крови, пропитавшая все органы власти, всё ещё продолжала требовать удовлетворения. И поэтому с такой лёгкостью и в 1939-м, и в 1940-м году судьи соглашались с требованиями прокуроров и выносили свои безжалостные приговоры людям, стоявшим на других жизненных позициях, даже несмотря на неопровержимую аргументацию защиты, которую они попросту игнорировали.

ИСТОЧНИКИ

¹ <https://harmfulgrumpy.livejournal.com/1434297.html>.

² <https://ru.wikipedia>.

³ Сайт Первомайского районного суда г. Пензы// http://pervomaisky.pnz.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=4&did=35.

⁴ Дворжанский А. И. «Союз Христовых воинов». П., 2021.

⁵ К выборам в Учредительное собрание // «Известия по Симбирской епархии» (приложение к газете «Церковная правда»), 1917, № 6, пагинация 2-я, с. 1–2.

⁶ Подлинник находится в Государственном архиве новейшей истории Ульяновской области, ф. 57, оп. 1, д. 225, л. 29.

⁷ Провинциал в Великой Российской революции. Сборник документов. Симбирская губерния в январе 1917 – марте 1918 гг. Ульяновск, 2017, с. 163.

⁸ Архив УФСБ по Пензенской области, дело № 10249-п.

⁹ Деяния Поместного Собора 1917–1918 гг.

¹⁰ Книга памяти жертв политических репрессий. – Ульяновск, 1996; Т. 2. – Ульяновск, 2001 (<http://old.memo.ru/memory/simbirsk/index.htm>).

¹¹ Там же.

¹² Сайт Донского монастыря (<http://donskoi.org>).

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абакумова Матрёна Ивановна – 3, 4, 9, 10, 12, 13, 14, 33, 34, 35, 49, 69, 76, 78
Александров Владимир Александрович – 11, 12, 13, 14, 33, 34, 35
Анисимова Надежда – 51, 52
Антоний (Храповицкий) – 64
Антонов – 27
Аристов Алексей Иванович – 54
Аркадия (Щипанова) – 13, 76, 89
Арсений (Стадницкий) – 64
Барцайкин Иван Сергеевич – 83
Барцайкина Варвара Ивановна – 5, 39, 77, 83, 84, 85, 86, 87, 88
Белов Сергей Карпович – 80
Берия Л. П. – 6
Благов Степан Петрович – 31
Благодаткин Иван Фёдорович – 37
Бояркин Кирилл Архипович – 42
Будникова – 13
Бутов Дмитрий Петрович – 5
Валькова – 87
Верхов Терентий – 41
Головинова Анна Алексеевна – 5, 47, 69, 72, 73, 74, 75
Горбачёв Михаил Сергеевич – 81, 82
Гродковский Николай Игнатьевич – 4, 5, 55, 86
Давыдова Мария – 10, 11
Денисов Андрей Дмитриевич – 11, 33
Денисов Иван Михеевич – 11, 14, 33
Денисова Елена Васильевна – 12
Державин М. Г. – 67
Динцова Фёкла Ивановна – 11
Дияжев Алексей Гурьянович – 4, 5, 20, 28, 30, 32, 38, 39, 45, 46, 47, 48, 50, 51, 54, 56, 58, 62, 65, 66, 86
Дубаева Наталья Ефимовна – 5, 35, 48, 49, 85
Дудченко Данила Данилович – 47
Евлалия (Тюрякова) – 48
Евстратий (Шевкун Евсей Петрович) – 74
Ежков Василий Иванович, 11-12
Ежкова Анна Ивановна – 10
Ельцин Борис Николаевич – 82

Еманова Анна Ивановна – 5, 19, 20, 44, 45
Еманова Евдокия Ивановна – 19
Загарин Михаил Гаврилович – 12, 14
Загарин Николай Максимович – 14
Загарин Фёдор Александрович – 12
Зайцев Яков Иванович – 47
Зеленев Яков Алексеевич – 60
Зюганов Геннадий Андреевич – 83
Иванов (Слесарев) Пётр Матвеевич – 60
Ипполитова – 87
Калинин Михаил Иванович – 78
Кипарисов Дмитрий Александрович – 70
Китова (Щербакова) Анна Фёдоровна – 5, 13, 20, 29, 30, 31, 32, 35
Колосова Прасковья Николаевна – 47
Коновалов – 27
Кононов Анатолий Леонидович – 83
Коржев – 39
Косолапов Фёдор Иванович – 5, 35, 38, 39, 42, 55
Крашенинникова Марина (Мария) Герасимовна – 5, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 85
Крючкова Александра Арсентьевна – 75, 77
Кузьмин Егор Васильевич – 70
Куренков Николай Иванович – 12
Логова (Логонова) Антонина Васильевна – 11
Ломакин Василий Иванович – 66
Майорова (Тамара) – 76
Макаренко Я. – 27
Малов Иван Иванович – 3, 4, 6, 9, 17, 28, 55, 58, 60, 62, 64, 65, 66, 67, 68
Малов Иван Иванович (младший) – 64
Малова Людмила Ивановна – 64
Малова Мария Ивановна – 64
Маслов Пётр – 27
Моисеев Михаил Тарасович – 80, 81
Нестеров Лукьян Матвеевич – 47
Нечаев Александр Павлович – 66
Николай II – 75, 77, 84
Обрязанцева – 72
Пахомов Фёдор Ильич – 66
Пересыпкин Сергей Иванович – 47
Пивцаев Макар – 33

Пивцаев Тимофей – 33
Пивцаева Мария Ефимовна – 5, 12, 13, 19, 20, 32, 33, 36, 37, 38, 48
Полякова Мария Ивановна – 76
Понякшева Вера Григорьевна – 5, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 29, 33, 35, 44, 49, 86, 87
Попов В. А. – 67
Попова Анна Павловна – 33
Пшеничкина Анна Ильинична – 3, 4, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 33, 34, 35, 78
Родзянко Михаил Владимирович – 60
Романова Анастасия – 16, 17, 66, 77
Рубичев Анатолий Тимофеевич – 56, 57
Руфь (Томкина Дарья Дмитриевна) – 76
Самойлов Прокофий Петрович – 4, 38, 39, 41, 42, 44
Сарайкин – 27
Семёнова Февронья Ермолаевна – 4, 5, 35, 37, 47, 68, 69, 70
Сендюков – 75
Сердопольская Мария Владимировна – 75, 76
Слесарев (Иванов) Пётр Матвеевич – 60
Смирнов – 87
Соловьёв Николай Семёнович – 47
Стрелков Василий Александрович – 60
Сутыркина Прасковья Ильинична – 3, 4, 15, 16, 17, 32, 66, 77
Сырова Т. Л. – 48
Сюлаев Ефим Гаврилович – 3, 4, 5, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 27, 28, 29, 32, 33, 35, 45, 48, 49, 55, 65, 66, 75, 78, 86, 88
Тамара (Майорова) – 76
Тенишев Борис Александрович – 60
Тихомиров Александр Евгеньевич – 48
Тихон (Беллавин) – 9, 61, 64, 74
Толпыга Анна Ефимовна – 74, 75
Томкина Дарья Дмитриевна (Руфь) – 76, 77
Тюрякова Евдокия Петровна (Евлалия) – 48
Уткин – 27
Филатова Анастасия Николаевна – 87
Филатова Вера Николаевна – 87
Филатова Пелагея Николаевна – 87
Филатова Татьяна Николаевна – 5, 39, 77, 83, 85, 86, 87, 88
Филоненко Андрей Никанорович – 56, 57, 58
Хохлова Евдокия Гавриловна – 5, 35, 46, 47, 55
Шабайкин Гавриил Михайлович – 4, 5, 35, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 78, 86

Шабанов Иван Филиппович – 66
Шаронова Евдокия Васильевна – 86, 88
Шевкун Евсей Петрович (Евстратий) – 74
Шерушинин – 87
Шишкова Анна Васильевна – 54
Шляпников Василий Михайлович – 78, 84, 85
Шнаев Иван Илларионович – 42
Щербакова (Китова) Анна Фёдоровна – 5, 13, 20, 29, 30, 31, 32, 35, 49, 55,
75, 78
Щипанова Александра Георгиевна (Аркадия) – 4, 13, 75, 88, 89

Дворжанский Александр Игоревич
«СОЮЗ ХРИСТОВЫХ ВОИНОВ»
2-я часть

Подписано в печать 11.04.2025 г. Формат 60x84/16
Бумага ксероксная. Печать трафаретная.
Тираж 50 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП Соколова А. Ю.
40600, г. Пенза, ул. К
Тел.: (8412) 56-37-16